

Б-24
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

Г.М. БАРТИКЯН

ВИЗАНТИЙСКИЙ ЭПОС О ДИГЕНИСЕ АКРИТЕ
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ АРМЕНОВЕДЕНИЯ

История СССР - 571

Автореферат
диссертации, представленной
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Е Р Е В А Н

1 9 7 0

Работа выполнена в Институте истории Академии наук
Армянской ССР

Официальные оппоненты:

Член-корреспондент Академии наук Армянской ССР,
доктор исторических наук, профессор Б.Н. АРАКЕЛЯН,

Член-корреспондент Академии наук Армянской ССР

А.Т. ГАНАЛАНЯН,

Доктор исторических наук, профессор Г.Х. САРКИСЯН

Внешний отзыв: Сектор фольклора Института Археологии и
Этнографии Академии наук Армянской ССР

Автореферат разослан " "

1970 г.

Защита диссертации состоится " "

1971 г.

на заседании Ученого совета Института истории АН Арм.ССР,
Ереван, ул. Абовяна 15.

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете
Института истории АН Арм.ССР.

Отзывы просим присылать по адресу: Ереван-I, ул. Абовяна
15.

Ученый секретарь Института истории АН Арм.ССР,
кандидат исторических наук

/АКОПЯН С.Н./

Поэма о Дигенисе Акрите занимает особое место среди памятников византийской литературы. Почти столетие изучается этот памятник, представляющий несомненный интерес для исследователей многих отраслей византиноведения. Написанные о нем статьи и монографии могут составить целую библиотеку¹. "Дигенис Акрит" перестал быть объектом изучения только византиноведов. На этот источник обратили внимание также ученые, интересующиеся историей и литературой когда-то соседствовавших с Византией народов, в том числе армян, большая часть которых проживала на территории самой империи, точнее, в Западной Армении, подвластной Византии.

Диссертационная работа состоит из двух частей. Первая часть: "Исследование", состоит из "Предисловия", восьми глав и "Послесловия".

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Приступая к изучению византийского эпоса с точки зрения арменоведа, мы констатировали тот факт, что арменоведы не интересовались этим важным памятником византийской литературы, что статья видного ученого Н. Адонца², написанная ровно сорок лет тому назад и посвященная исторической канве "Дигениса Акрита", так и осталась ими незамеченной, в то время как ею весьма заинтересовались византиноведы. Н. Адонц в своей статье

¹ Подробно см. А.Я. Сыркин, К истории изучения Дигениса Акрита, Византийский Временник, том XVII, 1960, стр. 203-226; его же, Поэма о Дигенисе Акрите, Москва, 1964, стр. 35-66.

² N. Adontz, Les fonds historiques de l'Épée byzantine Digénis Akritas, Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXIX-XXX, 1929-1930. Переиздана в его Etudes Arméno-Byzantines, Lisbonne, 1965.

указал на ряд фактов в византийском эпосе, которыми византиноведы не интересовались. Речь идет о роли, которую сыграло в возникновении "Дигениса Акрита" армянское население, /в том числе еретики-павликиане/ Западной Армении, а также о вопросе этнической принадлежности ряда персонажей эпоса, об общности "Дигениса Акрита" с армянским героическим эпосом о Давиде Сасунском. Поднятые Н.Адонцом вопросы стали предметом обстоятельного изучения в нашей диссертации. Кроме того мы рассматриваем также отголоски армянских эпических песен в "Дигенисе Акрите", курдский эпос о Златоруком хане, показав многочисленные напластования в нем, самый ранний из которых перекликается с "Дигенисом Акритом", вопрос об общности "Песни о /сыне/ Армуриса" и "Давида Сасунского", арменизмы в византийском эпосе и ряд других вопросов. Подробно изучен и вопрос о социальной природе "дигениса Акрита". Как известно, по этому основному вопросу дигенистики исследователи придерживаются двух диаметрально противоположных точек зрения. Часть ученых считает, что "Дигенис Акрит" был создан в феодальной, аристократической среде, другая же часть утверждает, что эпос создан в среде еретиков-павликиан. И те и другие исследователи, разумеется, в подтверждение своих предположений приводят веские аргументы, но вопрос этот далеко еще не решен.

Главный герой византийского эпоса назван дигенис Акрит, т.е. "Двоерожденный пограничник", ибо он сын "мусульманина" и христианки, занятый защитой границ Византии.

Кем были акриты вообще и в IX-X вв. /время создания эпоса/ в частности? На закате Римской империи для защиты границ от внешних врагов, был воздвигнут ряд укреплений /*limita* /, где служили пограничники /*limitanei milites* /. В более позднее время, когда государственным языком постепенно стал греческий, вместо *limitanei milites* употребляли греческий термин акриты /*ἀκρίται*/. Акриты служили в так называемых акритских фемах, преимущественно были воинами восточных, в том числе "армянских фем" /*Ἀρμενιάκῃ θεμάτων* /, с сугубо армянским населением⁴. Служащие на сторожевых пунктах /*βιγλαί* / непосредственно на византийско-арабской границе, назывались виглаторами /*βιγλάτορες* / и состояли преимущественно из армян⁵ : / "ἐν δὲ ταῖς ἄκραις τῶν Ἀρμενιάκων θεμάτων... οἱ Ἀρμένιοι... τὴν τῶν βιγλῶν ἐπιτελοῦσι δουλείαν; Ἀρμένιοι ... τὴν τῶν βιγλῶν ὑπηρετοῦσι δουλείαν,, /. Эти сторожевые пункты назывались "армянскими виглами"⁶ /*βιγλαί τῶν Ἀρμενίων*/. Армянское название для других пограничников в указанных фемах /*τραπεζίτης*, арм. *դարձասպան* - дарнаспан, *τασινάκια*, арм. *տեսուիկ* - теснак и др./, свидетельствует о том, что и они состояли из армян⁷.

3 Βασίλειος Διγενῆς Ἀκρίτας. Τὰ ἔμμετρα κείμενα Ἀθηναίων (πρῶην ἄνδρου, μετὰ συμπληρώσεων καὶ παραλλαγῶν ἐν τῆς διασιευῆς Τραπεζοῦντος), Κρυπτοφέρρης καὶ Ἐσιωριῶλ. Νέα πλήρης ἐκδοσις ὑπὸ Π. Καλονῶρου, τόμ. Α', Ἀθήναι, 1941, σελ. 1β'.

4 См. H. Glykatzzi-Ahrweiler, *Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX-XI-e siècles*, Athènes, 1960, p. 80.

5 *De velitatione bellica Nicephori augusti*, Bonnae, 1828, p. 188.

6 Там же, стр. 202.

7 О них подробно см. Р.М. Бартикян, О двух византийских военных терминах восточного происхождения, Вестник общественных наук АН Арм.ССР, 1970, № 8.

Все вышесказанное говорит о том, что в армянских фемах Византии /т.е. в фемах, которые являются колыбелью византийского эпоса о Дигенисе/, акриты были преимущественно армянами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: "Павликианское движение в Армении и Византии" /Исторический очерк/.

Н.Адонц, а вслед за ним бельгийский византинист А.Грегуар и ряд других исследователей у нас и за рубежом, пришли к выводу, что византийский эпос создан в среде еретиков-павликиан. А.Грегуар одну главу своей монографии даже озаглавил: "Еретический и революционный эпос" - *Μετὰ ἀρετικῆν καὶ ἐκλαστικῆν ἑποποιίαν*. При изучении эпоса мы убедились, что выводы вышеупомянутых ученых обоснованы, и что павликиане, несомненно, сыграли большую роль в создании "Дигениса Акрита", поэтому в нашей диссертационной работе мы сочли целесообразным изложить краткую историю этих грозных еретиков.

Павликианская ересь возникла в середине VII столетия в кантоне Западной Армении Мананали в среде эксплуатируемого крестьянства и низших слоев городского населения. Название ереси связано с именем апостола Павла, патрона еретиков. Основоположником движения источники называют армянина Константина⁸, который став ересиархом, принял имя ученика апостола

8 См. Petri Siculi Historia utilis et refutatio atque eversio haereseos Manichaeorum qui et Pauliciani dicuntur Bulgariae archiepiscopo nuncupata, Migne, Patrologia graeca, t. 104, col. 1276.

Павла Сильвана. Константин-Сильван из Мананали перешел в Колонию и стал проповедывать свое учение, пока не стал жертвой византийских властей. Он был предводителем движения в течении целых 27-и лет.

После Константина-Сильвана павликианское движение возглавил Симеон-Тит, который, однако, после трехлетней деятельности тоже стал жертвой византийского правительства.

Несмотря на все усилия Византии, ей не удалось искоренить ересь павликиан. Более того, найдя благоприятную почву, движение стало распространяться в ряде других областей империи, а также в находящейся под арабским владычеством Восточной Армении. Озабоченный этим армянский католикос Иоанн Одзнецци выступает против них с речью "Против павликиан"⁹ и одновременно ставит вопрос об их ереси на обсуждение Двинского церковного собора /719 г./, 32-ое правило которого целиком направлено против павликиан¹⁰. Таким же образом поступил и в самом начале VIII в. католикос Кавказской Албании Михаил¹¹. Однако павликианское движение охватывало все новые и новые территории. Преследуемые в империи павликиане во главе с армянином Павлом находят убежище на Понте, где еще во второй половине VII в. возникли павликианские общины.

9 Выдержки из этой речи в русском переводе см. Р.М.Бартикян, Источники для изучения истории павликианского движения, Ереван, 1961, стр.109-112.

10 Русский перевод этого правила см. Р.М.Бартикян, Источники, стр. 113.

11 См. там же, стр.31-33.

Императоры Исаврийской династии, имея целью использовать воинственных еретиков для борьбы против своих внутренних и внешних врагов, временно покровительствуют им. При Льве III предводителем павликиан был сын вышеупомянутого Павла-армянина Гегнесий, который все же счел целесообразным покинуть Византию и обосноваться в колыбели движения — Мананали, находящемся под арабским владычеством, где и скончался от чумы, свирепствовавшей там в 747-748 гг.

После смерти Гегнесия-Тимофея павликианское движение возглавил его приемный сын Иосиф-Эпафродит, против которого выступил сын Гегнесия Захарий, также претендовавший на власть ересиарха. Это стало причиной борьбы внутри павликианского движения. Несмотря на это, движение стало охватывать все новые территории, в том числе Мелитену, Четвертую Армению, Феодосиополь и др. Именно в это время павликианское движение помимо своего классового характера проявило и черты народно-освободительной борьбы против внешних завоевателей.

Когда в 748 г. армянский нахарар Григор Мамиконян, воспользовавшись внутренними распрями в арабском халифате, поднял на Понте восстание против арабов, то к его войску примкнули люди, которых армянский историк VIII в. Ревонд называет "Сынами греха". Эти люди, по данным историка, не боялись бога, не подчинялись светским и духовным властям. В середине VIII в. такими в Армении могли быть только павликиане¹². Это подтверж-

¹² См. Р.М.Бартикян, К вопросу о павликианском движении в Византии в первой половине VIII в., Византийский Временник, том VIII, 1956.

дает и Петр Сицилийский, изучение данных которого не оставляют сомнений в том, что под "Сынами греха" подразумеваются именно те павликиане, которые во главе с ересиархом Иосифом-Эпафродитом в указанное время тайком от арабов перешли на Понт, то есть именно туда, где находилось повстанческое войско Григора Мамиконяна. Далее Петр Сицилийский указывает, что этих павликиан стал преследовать некий Крикорак из местных архонтов, под которым подразумевается нахарар Григор Мамиконян. Очевидно, господствующие классы Армении в лице Григора Мамиконяна не желали в борьбе против арабов сотрудничать с еретиками-павликианами.

Трудностями внутри арабского халифата воспользовался и византийский император Константин V, которому в 752 г. удалось захватить Мелитену и Феодосиополь-Карин. Жителей этих городов — армян и сирийцев — он переселил во Фракию, предполагая использовать их в борьбе против внешних врагов империи. Это подтверждается данными Жития св. Стефана Нового, согласно которым в указанное время во Фракии находилось войско, состоящее из армян-иконоборцев, видимо, из павликиан¹³, ибо по свидетельству Феодана Исповедника переселившиеся во Фракию армяне и сирийцы распространили там ересь павликиан¹⁴.

Из-за преследований Григора Мамиконяна ересиарх Иосиф-Эпафродит был вынужден бежать из Понта. Он обосновался в Анти-

¹³ См. Р.М.Бартикян, Армяно-византийские заметки, Известия АН Арм.ССР, Серия общественных наук, 1960, № 7-8.

¹⁴ См. Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor, t. II, Lipsiae, 1883, p. 429.

охии Писидийской, где и проповедовал свою доктрину в течении трех десятилетий.

После смерти Иосифа-Эпафродита в качестве ересиархов выступают двое - Сергей и Ваан. Ваан был родом из Армении, а Сергей из местечка Анния близ Анкиры. Непосредственным наследником Иосифа был Ваан, который стал проповедывать доктрину своего учителя Иосифа, в то время как Сергей стал реформировать ее. На этой почве павликианское движение разделилось на два противоборствующих течения. Сторонников Сергея стали называть сергиотами, а Ваана - ваанитами. Группа, возглавляемая Сергием, была сильнее. На его стороне был и руководитель вооруженными силами еретиков. Эта вражда продолжалась до смерти Сергея /835г./ и была прекращена усилиями Феодота, одного из учеников скончавшегося ересиарха. Причина внутренней борьбы в павликианской общине заключалась в социальной и этнической неоднородности приверженцев ереси.

Сергий был крупнейшим из всех ересиархов павликиан. Данные Петра Сицилийского свидетельствуют о том, что он был крупным теоретиком и очень искусным практиком. Он был организатором множества павликианских общин на Понте, в Мопсуестии, в Аргаусе и в других местах Византийской империи, а также в областях подвластных халифату.

С начала IX в. преследование павликиан становится все суровее. Еретики вынуждены были бежать из Византии в пределы арабского халифата. Большие группы еретиков во главе с ересиархом Сергием, а затем и под предводительством Карбеаса, ставшего впоследствии военачальником павликиан, нашли убежище у арабов

Мелитены, получили от них город Аргаус, позднее построили город Тефрику, свою столицу, откуда, в союзе с арабами, начали долгую и кровопролитную борьбу с Византией. Эту борьбу возглавили павликиане Карбеас и Хресохир и мелитенский эмир Омар ибн Абдаллах аль-Акта, подвиги которых воспеты в византийском эпосе о дигенисе Акрите. В 70-х годах IX столетия византийскому императору Василию I удалось разбить павликиан. Массы побежденных еретиков были вынуждены вновь искать убежище у своих недавних союзников, арабов, главным образом, в Мелитене и Четвертой Армении, т.е. в тех местах, которые в течение двух столетий не раз служили им убежищем. Часть их перешла и в Восточную Армению и присоединилась к еретикам-тондракитам.

Павликиане были организованы в территориальные общины. Во главе движения стоял ересиарх, т.е. идеологический глава движения, в избрании которого принимали участие только "синекдемы", руководители общин. Синекдемам подчинялись так называемые "нотарии". В обязанности синекдемов и нотариусов входило распространение павликианской доктрины. Практической работой были заняты другие еретики, названные в источниках "астатами". Кроме ересиарха, павликиане имели и своего военачальника, который к идеологическим вопросам отношения не имел, но все же играл большую роль в разрешении разных споров внутри движения. Сергиоты, например, были сильнее ваанитов главным образом тем, что военачальник "по вере" был сергиотом¹⁵.

¹⁵ Подробнее см. Р.М.Бартияян, К вопросу об организации павликианской общины, Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1958, № 3.

В идеологическом аспекте павликиане многое унаследовали от прежних ересей. Они, как и манихеи, считали, что есть два бога - Добрый бог /Небесный/ и Злой. Злой бог - это Сатана, творец мира и людей, властелин видимого мира. Добрый бог, Небесный, ныне не имеет власти над миром, а будет им владеть в будущем, после своей победы над Злым богом. Христос, в представлении павликиан, сын Небесного, Доброго бога, в рождении которого Мария не участвовала. Павликиане принимали только Новый завет без посланий апостола Петра, они отвергали Ветхий завет, пророков считали разбойниками и обманщиками, не принимали святых. Еретики отвергали также церковь и ее основателя апостола Петра, церковнослужителей и церковные таинства крещения и причастия.

Такова в общих чертах история павликиан, которые сыграли немаловажную роль в создании византийского эпоса.

ГЛАВА ВТОРАЯ: "История обнаружения рукописей, содержащих эпос о Дигенисе Акрите. Версии эпоса".

В Греции и других грекоязычных местах до того как были обнаружены рукописи поэмы о Дигенисе Акрите, среди народа были распространены песни восхваляющие акритов и Дигениса. Ученые интересовались ими и уже с первой четверти XIX в. эти песни начали появляться в печати¹⁶. Были написаны и первые исследования о них¹⁷. Но только в 1868 г. учителю Савве Иоаннидису

16 C.Fauriel, *Chants populaires de la Grèce moderne*, t.I-II, Paris, 1824-1825.

17 M.Büdinger, *Das mittelgriechische Volksepos*, Leipzig, 1866.

посчастливилось в монастыре Сумела в Трапезунте обнаружить рукопись, содержащую поэму о Дигенисе Акрите. Рукопись, относящаяся к XVI в., содержала 3180 политических стихов поэмы. Она была дефектной: отсутствовали начало и концовка, был ряд лакун и в самом тексте. Трапезунтская версия поэмы была опубликована в 1875 г. К.Сафой и Э.Леграном с обширным исследованием и французским переводом¹⁸.

Издание Трапезунтской версии поэмы явилось стимулом дальнейших поисков в разных книгохранилищах мира, располагающих греческими рукописями. Поиски скоро увенчались успехом. Уже в 1880 г. была издана версия поэмы по рукописи, найденной в библиотеке колледжа Линкольна в Оксфорде¹⁹. Оксфордская версия поэмы была написана в 1670 г. хиосским монахом Игнатием Петрици. Издатель Оксфордской версии в своем предисловии приводит и написанные о Дигенисе стихи К.Дапонтиса, греческого поэта и историка XVIII в., а также выдержки из обнаруженной до этого Гротта-Ферратской версии поэмы о Дигенисе. Гротта-Ферратская рукопись поэмы, обнаруженная И.Мюллером, была впервые полностью опубликована Э.Леграном в 1892 г.²⁰ Она хронологически древнее всех обнаруженных версий /Гротта-Ферратская рукопись датируется XIV веком/ и содержит 3850 стихов. Она разделена на восемь книг.

18 *Les exploits de Basile Digénis Akritas, épopée byzantine du dixième siècle, publiée pour la première fois d'après le manuscrit unique de Trebizonde par C.Sathas et E.Legrand, Paris, 1875.*

19 *Collection de romans grecs en langue vulgaire et en vers, publ. pour la première fois d'après des manuscrits de Leyde et d'Oxford par S.Lampros, Paris, 1880.*

20 *Les exploits de Basile Digénis Akritas, épopée byzantine publiée d'après le manuscrit de Grotta-Ferrata par E.Legrand, Paris, 1892.*

Греческий ученый Ант.Миллиаракис в 1881 г. издает найденную на острове Андрос версию поэмы²¹, сохранившейся в рукописи XVI в. Она по содержанию близка Трапезунтской версии, с той разницей, что Андросская версия более полная /4777 стихов/. Она разделена на десять книг.

На том же острове Андрос в 1891 г. греческим историком Д.Пасхалисом была обнаружена еще одна версия византийской поэмы, по содержанию близкая Трапезунтской версии. Вторая Андросская версия не стихотворная, а прозаическая. Рукопись, содержащая эту версию, была переписана в 1623 г. и издана только в 1926 г.²²

Последняя, известная науке версия поэмы о Дигенисе была обнаружена в Мадриде, в библиотеке Эскуриал. Она очень дефектна /сохранились всего 1867 стихов/ и издана в 1912 г.²³ Именно эта версия стала причиной больших споров среди византинистов; некоторые стали ее считать самой близкой к первоначальной версии, вывод, который не встретил одобрения у большинства исследователей.

На основании всех вышеупомянутых версий представляется возможность исправить искаженные по вине переписчиков места поэмы, дополнить имеющиеся лакуны. Самая ранняя версия, Гротта-Ферратская, разумеется, обратила на себя внимание большинства

21 Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας. Ἐποικοῦσα βυζαντινὴ τῆς 10-ης ἐκατονταετηρίδος κατὰ τὸ ἐν Ἀνδρῶν ἀνευρεθὲν χειρόγραφον, ὑπὸ Ἀντ.Μηλιαράκη, ἐν Ἀθήναις, 1881.

22 Οἱ δέκα λόγοι τοῦ Διγενοῦς Ἀκρίτου, ἐκδ. Δημ.Πασχάλη, Λαογραφία, τόμ. θ', 1926.

23 Le roman de Digénis d'après le manuscrit de Madrid, publiée par D.C.Hesseling, Λαογραφία, τόμ. Γ', Ἀθήναι, 1912.

исследователей, переводилась на другие языки именно эта версия. Она сохранила ряд византийских военных терминов IX-X вв., считает современным герою эпоса Дигенису императора Василия / по всей вероятности Василия I - 867-886 гг./, в то время как другие версии императора именуют Романом /видимо, Роман I Лакапин - 919-944 гг./ и т.д. Но для исследователя эти обстоятельства не могут стать причиной недооценивания других версий поэмы. Для ученого-арменоведа Трапезунтская и Андросская версии представляются более ценными, чем Гротта-Ферратская, поскольку они стоят ближе к действительности армянских областей византийского востока, чем Гротта-Ферратская версия, которая уделяет больше внимания подвигам героев на западе Малой Азии²⁴. Принимая Гротта-Ферратскую версию как основу для изучения византийского эпоса, ученые стали считать поздними интерполяциями все то, что имелось в других версиях, но отсутствовало в Гротта-Ферратской /эпизод с Ангилой, упоминание местности "Ахайя", императора "Никифора" и т.д./. Но, как мы увидим далее, изучение этих отклонений показало, что все это не поздние интерполяции, и что их наличие в других версиях выгодно отличает их от Гротта-Ферратской. Кроме всего сказанного, Трапезунтская и Андросская версии написаны более народным языком. Об Андросской версии греческий исследователь П.Калонарос писал, что она "содержит довольно много новых данных, имеет множество преимуществ. По сравнению с Трапезунтской версией она более полна, по языку -

24 А.Я.Сыржин, Поэма о Дигенисе Акрите, стр.105.

более ясна и с некоторыми добавлениями и с помощью других версий, она может стать исходной точкой для изучения византийского эпоса²⁵.

Из сообщения К.дапонтиса известно, что существуют еще две рукописи, содержащие византийский эпос. Он пишет, что в монастыре Ксеропотамос на Афоне видел их, причем одна имела и миниатюры, изображающие разные эпизоды поэмы. Однако судьба этих рукописей неизвестна.

После обнаружения поэмы о Дигенисе Акрите интерес к песням "акритского цикла" вовсе не исчез. Исследователям стало ясно, что если для "дигениса Акрита" источником служили средневековые народные песни, то собранные в последние полтора столетия акритские песни нельзя считать песнями, питавшими эпос. Немалое число уже известных рукописей с поэмой о Дигенисе свидетельствует о том, что поэма была любима народом, и именно она является источником для этих акритских песен²⁶. Очень мало песен, и то с большой оговоркой можно считать независимыми от поэмы о дигенисе. Среди них можно упомянуть песню "О сынах Андроника", песни "О Ксанфиносе" и "Армурисе". Последняя, о которой более подробно говорится в VIII главе данной диссертации, дошла до нас в рукописи XVI в., и считается "подлинным памятником IX века"²⁷.

25 Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας, τὸμ. Α', σελ. ιη'.

26 Там же.

27 H. Grégoire, 'Ο Διγενής Ἀκρίτας, ἡ βυζαντινὴ ἐποποιΐα στὴν ἱστορία καὶ στὴν ποίηση, New York, 1942, p.201.

"Дигенис Акрит" в XII-XIII вв. был переведен на русский язык /"Девгениево деяние"/²⁸. Этот перевод обратил на себя внимание ученых тем, что в отличие от греческих версий, трактует отношения Дигениса и императора Византии как враждебные.

В византиноведении мало памятников, которые стали бы предметом такого подробного и обстоятельного изучения, как "Дигенис Акрит". Но как мы уже отмечали выше, арменоведы на византийский эпос внимания не обращали. До того, как мы занялись этой темой, о "Дигенисе Акрите" было написано всего две арменоведческие статьи: Н.Адонца и А.В.Банк.

К сожалению советская историография также не уделяла должного внимания византийскому эпосу. Если не считать изданных в последнее десятилетие важных трудов А.Я.Сыркина о Дигенисе Акрите, а также исследования В.Д.Кузьминой о "Девгениевом деянии", то нам остается указать на ту же статью А.В.Банк, а также на рецензию А.П.Каждана на исследование А.Грегуара, посвященное "Дигенису Акриту". Отдельные высказывания советских ученых можно встретить в трудах, не посвященных специально "Дигенису Акриту".

А.В.Банк пишет, что "повесть о Дигенисе Акрите не раз, хотя бы бегло, сопоставлялась в литературе со сказаниями о Сиде и песней о Роланде; однако, она может быть привлечена с еще

28 Подробно о нем см. В.Д.Кузьмина, Девгениево деяние /Деяние прежних времен храбрых человек/, Москва, 1962.

большим основанием в параллель к циклу Давида Сасунского²⁹. Остановившись на вопросе о социальной природе византийского эпоса А.В.Банк пишет: "Хотя в цикле Дигениса много сказочных моментов, он все же значительно больше отражает породившую его феодальную среду... Говоря это, — заключает ученый, — следует помнить, что повесть о Дигенисе известна в настоящее время преимущественно на основании старых литературных обработок. Можно ли сомневаться в том, что эти обработки феодализовали, и приглаживали народный эпос, что они во многом "облагородили" и изменили первоначальный характер сказаний"³⁰.

М.В.Левченко в своей "Истории Византии", в главе, посвященной византийской культуре IX-XI вв., после разбора поэмы, останавливается и на вопросе социальной природы "дигениса Акрита". "Дигенис, — пишет он, — является несомненным византийским патриотом. В его мыслях православная вера и ромейская держава неразрывно связаны между собой ... Он считает себя верным подданным императора... Идеализированный герой византийского эпоса ничем не отличается от реальных исторических малоазиатских динатов X века, поднимающих грозные восстания против центрального константинопольского правительства под знаменем Варды Склира и Варды Фоки"³¹.

29 А.В.Банк, Дигенис Акрит византийского эпоса и Давид Сасунский. Юбилейный Сборник, посвященный 1000-летию эпоса, Ереван, 1939, стр.144.

30 Там же, стр.146-147.

31 М.В.Левченко, История Византии, Москва-Ленинград, 1940, стр. 182-183.

А.П.Каждан в своей рецензии на книгу А.Грегуара, как и в других своих работах, посвященных социально-экономической истории Византии, считает неубедительной теорию о павликианском происхождении эпоса; он находит, что "Дигенис Акрит" — памятник аристократический, прославляющий византийскую знать, в среде которой и возник³². "Социальная природа эпоса, — пишет он, — и время его составления вызывают в настоящее время серьезные споры, объясняющиеся тем, что в распоряжении ученых находятся лишь поздние списки, весьма далекие от первоначального текста. Однако мы могли бы предположить, что эпос, вышедший из феодальных кругов, сложился в X или в начале XI в. и, следовательно, отражал обстановку, существовавшую в империи в X столетии"³³.

М.Я.Сюзюмов в своем труде, посвященном вопросам иконоборчества в Византии, хотя и не согласен с теми исследователями, которые считают византийский эпос возникшим в павликианской среде, все же находит, что это не аристократический памятник, что сказания о Дигенисе зародились в стратиготских массах³⁴.

Е.Э.Липшиц считает, что "героическая борьба сторонников /павликианской/ ереси с византийским правительством, ее ярко

32 А.П.Каждан, Рецензия на книгу H.Grégoire, Digenes Akrites, New York, 1942, ИАН СССР, Серия истории и философии, том V, № 2, 1948.

33 А.П.Каждан, Деревня и город в Византии IX-X вв., Москва, 1960, стр.367.

34 М.Я.Сюзюмов, Проблемы иконоборчества в Византии. Ученые Записки Свердловского государственного педагогического института, 1948, вып.4, стр.78, прим.62.

выраженный демократический характер создали этому повстанческому движению исключительную популярность в народных массах византийского Востока. Именно этот последний этап движения, когда павликиане из "еретиков" превратились в повстанцев, когда ересь из оппозиции господствующей церкви встала на путь открытого восстания, воспевали в народных песнях. Последние нам известны лишь в том сильно переработанном виде, в каком они были оформлены в эпическом сказании о Дигенисе Акрите. В своей литературно обработанной форме эпос возник, вероятно, уже в X в., но самые песни складывались, очевидно, еще ранне, в период самого разгара событий или вскоре после них³⁵.

Е.Э.Липшиц останавливается и на Песне об Армурисе, в которой, как и эпических песнях о Дигенисе Акрите, по мнению ученого "нашли свое отражение наиболее драматические события борьбы павликиан с империей"³⁶.

Византийский эпос основательно изучался А.Я.Сыркиным. Он в 60-х годах выступил с рядом важных статей³⁷, которые впоследствии, в дополненном и переработанном виде, были изданы отдель-

³⁵ Е.Э.Липшиц, Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в., Виз.Вр., т.V, 1952, стр.60-61; ее же, Очерки истории византийского общества и культуры, VIII - первая половина IX в., Москва-Ленинград, 1961, стр. 158.

³⁶ Е.Э.Липшиц, Очерки, стр.265.

³⁷ А.Я.Сыркин, К истории изучения Дигениса Акрита, ВВ, т.XVII, 1960; Об историчности персонажей "Дигениса Акрита", ВВ, т.XVIII, 1961; Поэма о Дигенисе Акрите как исторический источник /автореферат канд.диссертации/, Москва, 1962; Социально-политические идеи эпоса о Дигенисе, ВВ, т.XX, 1961; Некоторые проблемы византийского эпоса, ВВ, т.XIX, 1961; Сведения Дигениса Акрита о византийском быте и памятниках материальной культуры, ВВ, т.XXI, 1962.

ной книгой³⁸. Объектами его внимания были: история изучения "Дигениса Акрита", отражение исторических событий в поэме, черты идейного содержания поэмы, сведения поэмы о византийском быте и памятниках материальной культуры, фольклор и ученость в "Дигенисе Акрите" и др. А.Я.Сыркин временем создания эпоса считает IX-X вв., он отрицает павликианское происхождение памятника, находит, что он вполне "православный" памятник, отражающий идеологию провинциальной знати Византии, хотя не отрицает участие павликиан в византийском эпическом творчестве. "Как нам кажется, - пишет в заключении А.Я.Сыркин, - оба определения известного нам эпоса о Дигенисе - как "народного" или как "феодалного" - страдают односторонностью и отражают лишь отдельные черты памятника. Это - народный в своей основе эпос, отразивший в известных нам литературных обработках черты феодальной идеологии"³⁹.

А.Я.Сыркин осуществил и русский стихотворный перевод византийского эпоса о Дигенисе Акрите /Тротта-Ферратская версия/⁴⁰.

Из изданных за рубежом в последнее время специальных трудов о Дигенисе Акрите можно упомянуть монографию А.Грегуара⁴¹, утверждавшего павликианское происхождение византийского эпоса и считавшего дошедшую до нас поэму сильно переработанной, в значительной мере искажившим эпос памятником, для частичного

³⁸ А.Я.Сыркин, Поэма о Дигенисе Акрите, Москва, 1964.

³⁹ Там же, стр. 222.

⁴⁰ Дигенис Акрит, Перевод, статьи и комментарии А.Я.Сыркина, Москва, 1960.

⁴¹ H. Grégoire, 'Ο Διγενής Ἀκρίτας. Ἡ βυζαντινὴ ἐποποιΐα στὴν ἱστορία καὶ στὴν πόληση.

восстановления первоначального облика которого может содействовать "Девгениево деяние", труды Дж.Маврогордато⁴² и С.Кириакидиса⁴³, выступающих против выводов А.Грегуара и считающих эпос феодальным, и ряд других исследований⁴⁴.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: "Содержание эпоса о Дигенисе Акрите".

Содержание, последовательность описываемых событий во всех версиях "дигениса Акрита" одинаковы, что является свидетельством единого оригинала поэмы. Самой обширной и подробной является Андросская стихотворная версия, содержание которой мы вкратце дадим ниже.

Автор поэмы с самого начала дает генеалогическое древо Дигениса Акрита. Его предки были христианами, жили они на Востоке и Романии, точнее - в Каппадокии. Под Востоком поэт подразумевает "чудесный и прекрасный город Сирии", т.е. Руха /Эдессу/. В Каппадокии родился "чудесный царь", принадлежащий к богатому семейству дуков. Его "по-сирийски" звали Аароном, а по-гречески - Андроником. Он женился на Анне, принадлежащей к "царскому семейству" Магастров. Они имели пять сыновей, но ни одной дочери, ради которой долго молились богу и святым. Их молитвы были богом приняты, и Анна забеременела. до рождения

⁴² *Digenes Akrites*, Edited with an Introduction, Translation and Commentary by J.Mavrogordato, Oxford, 1956.

⁴³ *S.Kyriakides*, Forschungsbericht zum Akritas-Epos, "Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress, München, 1958".

⁴⁴ На историю изучения "дигениса Акрита" мы особенно не останавливаемся, так как эту работу со всей подробностью осуществил А.В.Сиркин, см. выше, прим.1.

ребенка отец пригласил прорицателя, чтобы тот предсказал будущее ребенка. Прорицатель сказал, что Анна родит девочку, которую в двенадцатилетнем возрасте похитит некий эмир, и посоветовал отцу построить замок и там оберегать свою дочь.

После рождения дочь была крещена и названа Ириной. Когда ей исполнилось семь лет, отец построил замок и привел ее туда. В двенадцать лет она в отсутствии отца и с разрешения матери вышла на прогулку Эмир Эдессы Мусур в это время с тремя тысячами воинов совершал набеги в Романию. Он дошел до того места, где играла Ирина и похитил ее. Братья Ирины, узнав о несчастии, приходят к своей матери. Она умоляет своих сыновей непременно спасти дочь. Пятеро братьев спешат к эмиру и просят освободить их сестру. Эмир обещает им это в том случае, если один из братьев победит его в единоборстве. Между эмиром и старшим братом Константином происходит борьба, в которой побеждает Константин. Эмир должен был вернуть братьям их сестру, но долго колебался. Он интересуется происхождением братьев и узнает, что они принадлежат к Дукам и Киннамадам, что их дед по отцовской линии назывался Муселомом. Затем он сам рассказывает о своем происхождении. Выясняется, что он сын Хрисохерпа и Спафии, еще в детстве потерял отца и был воспитан дядьями. Он упоминает своего деда Амброна, дядю Кароса, описывает свои подвиги в Сирии и Романии. Эмир возвращает Ирину ее братьям и просит их согласия на свой брак с ней, выразив готовность приехать в Романию и принять христианство. Братья изъявляют свое согласие и все возвращаются в Романию, где эмир Мусур принимает крещение и женится на Ирине.

Мать эмира, узнав о поступке сына, пишет ему письмо, умоляя вернуться в Сирию и упоминая о славных подвигах отца эмира и его дяди. Эмир отправляется в Сирию, приходит в Эдесскую крепость, убеждает свою мать и родственников отправиться с ним в Романию, отказаться от магометанства и принять христианство, после чего все они отправляются в Каппадокию.

Затем поэт пишет о сыне эмира, главном герое поэмы, наделенном страшной физической силой Дигенисе Акрите. Он был Дигенисом /Двоерожденным/ потому, что был сыном "араба" и гречанки, был назван Акритом, так как защищал границы /акра/ от внешних врагов. Он был крещен в возрасте шести лет и назван Василием. В детстве Дигенис три года учился грамоте, в двенадцать лет стал охотиться на львов, медведей и других зверей. Когда он возмужал, узнал о храбрых апелатах, ему очень захотелось стать апелатом. Акрит отправился к вождю апелатов Филопапу. Последний, чтобы убедиться в ловкости и силе героя, предлагает ему единоборство с другими вождями апелатов - Киннамом и Иоаннакисом, которых Дигенис побеждает.

Далее говорится о любви Дигениса к дочери стратига Дуки Евдокии. Дигенис похищает ее у родителей, которые были вынуждены согласиться на брак молодых. Дигенис с женой и со своими храбрецами отправляется к границам империи, где уничтожает "непокорных". С этого дня ромейские владения, благодаря Дигенису, стали жить в мире и спокойствии. Молва о подвигах героя доходит до императора Романа, который горит желанием повидаться с Дигенисом. Будучи в Каппадокии, император обращается с письмом

к герою, приглашая его к себе. Дигенис предлагает, чтобы сам император приехал к нему на встречу, притом с несколькими людьми. Роман отправляется к Дигенису, встречается с героем, восхищается его силой и красотой и предлагает ему просить, что хочет. Дигенис отказывается. Он советует императору быть добрым к своим поданным, защищать бесправных, помогать обездоленным. Император возвращает герою конфискованные владения его деда и отправляется в Ахайю на войну против врагов.

Далее поэт приводит рассказ Дигениса о совершенных им подвигах. Сперва он вспоминает любовную историю с дочерью эмира Аплоравда. Во время одного набега в Романию, Аплоравд взял в плен сына византийского стратига Антиоха и бросил в тюрьму. Его полюбила дочь эмира и, воспользовавшись отсутствием отца, освободила его, ибо последний обещал девушке жениться на ней. Они вдвоем тайком едут в Романию, но по дороге сын Антиоха бросает дочь Аплоравда и убегает. Дигенис Акрит в местности Влатоливади встречает сына Антиоха и спасает его от рук разбойника Мусура. Продолжая свой путь, он встречает и дочь Аплоравда и узнает о постигшем ее несчастье. Он решает помочь девушке и доставить ее к жениху, однако по дороге он загорается страстью к своей подопечной и овладевает ею. Затем он приводит девушку к ее жениху и заставляет последнего жениться на ней.

Дигенис Акрит обосновывается в местности Тросис. Там он убивает дракона в образе молодого человека, затем льва, которые грозили Евдокии. Узнав о красоте Евдокии, триста апелатов, за-

мыслив ее похитить, нападают на Дигениса, но все становятся жертвой его дубинки. Предводители апелатов Филопап, Киннам и Иоаннакис интересуются судьбой своих воинов. Услышав об их гибели, они не верят, что Дигенис один мог этого сделать, и предлагают ему единоборство, чтобы убедиться в его силе. В этой связи Дигенис рассказывает им свои подвиги против героя Ангилы, которого убил ударом дубинки. Дигенис побеждает и троих предводителей апелатов, которые, не будучи в состоянии нести позор, обращаются за помощью к амазонке Максимо. Максимо и ее сто апелатов во главе с Мелемендзисом, а также остальные предводители апелатов, нападают на Дигениса, но терпят поражение. По предложению Максимо Дигенис единоборствует с ней, побеждает ее, и по ее просьбе овладевает ею.

Дигенис с женой приходят на берег реки Евфрат, где он насаждает великолепный сад, строит в нем замечательный дворец. Герой живет счастливо. Его счастье омрачает только бездетность, которую Дигенис считает божьей карой за свою супружескую неверность. Дигенис становится владыкой этих мест, без его разрешения ни римляне, ни арабы не смеют сюда вторгаться. В это время герой узнает о болезни отца. Он спешит в Каппадокию, но находит отца уже скончавшимся. Взяв его прах, он с матерью возвращается в свой дворец, где и хоронит отца. Немного спустя умирает и мать Дигениса.

В тридцать три года Дигенис заболевает тяжелой болезнью. Увидя мужа в предсмертной агонии, Евдокия теряет сознание и умирает вместе с мужем в один и тот же час. Весть об их смерти распространяется повсюду, для участия в их похоронах спешат вельможи со всего Востока. Все скорбят по поводу кончины героя, кроме подвластных ему апелатов. Поэма кончается плачем о тщетности этого мира.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: " Географический ареал эпоса о Дигенисе Акрите".

Изучение вопроса о коллибели византийского эпоса имеет первостепенное значение не только для установления его территориального происхождения, но и потому, что это даст возможность выяснить этническую принадлежность его создателей, поскольку греческий язык поэмы еще не дает права утверждать, что он создан в греческой среде.

Согласно эпосу родня Дигениса по материнской линии жила в Каппадокии. Там родился и сам Дигенис, поэтому он называется и каппадокийцем. Каппадокия родина и жены героя - Евдокии.

В состав Каппадокии входили земли Малой Армении. Как пишет Н.Адонц, "многие не различают ее /т.е. Малую Армению - Г.Б./ от Каппадокии"⁴⁵. До реформ Юстиниана I большая часть Каппадокии называлась Второй Арменией, которая Юстинианом I была преобразована в Третью Армению с центром Мелитеной. Армянское население здесь преобладало и не случайно отец армянской истории Мовсес Хоренаци /V в./ называет Каппадокию "западной частью нашей страны"⁴⁶. Синекдем Иерокла ряд каппадокийских городов локализует во Второй Армении⁴⁷. В VII в. Каппадокия и Понт составили фему Армениак, которая была названа так, ибо "там и по соседству

45 Н.Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, С.-Петербург, 1908, стр.68.

46 История Армении, кн. I, гл. I4.

47 Hierocles Synecdemus et Notitia episcopatum accedunt Nili Doxapatri Notitia Patriarchatum et locorum nomina, immutata ex recognitione G. Parthey, Berolini, 1866, p. 38.

жили армяне" ⁴⁸ / ἀπὸ τῶν ὀμοροῦντων καὶ συνοικοῦντων Ἀρμενίων/. Константин Порфирородный в своем труде о фемах Византии Каппадокию упоминает в главе, носящей заглавие: "Вторая фема, называемая фемой Армениаков"⁴⁹. В византийских источниках отождествляются не только Каппадокия и Армения, но и "каппадокиец" и "армянин". Что касается каппадокийского языка, то он считается проармянским⁵⁰. Греческий ученый П.Каролидис определил большую часть собранных им 463 каппадокийских слов и выражений как имеющую отношение к армянскому языку⁵¹.

Хотя родиной Дигениса в эпосе названа вообще Каппадокия, мы имеем возможность еще конкретнее локализовать ее. В Андросской версии эпоса упомянут Ликанд /строка 2006/. Там жила и семья будущей жены героя, дочери стратига Дуки. Ликанд, который входил в состав "армянских фем"⁵² / Ἀρμενιακὰ θέματα / Византии, по данным Константина Порфирородного /хронологически очень ценным для нашей темы/ раньше был "пустынной и безлюдной территорией"⁵³ / ἔρημος γὰρ ἦν τὸ πρότερον καὶ ἀοίκητος /

48 Constantino Porphyrogenito De Thematibus, Introduzione, testo critico, commento a cura di A.Pertusi, Città del Vaticano, 1952.

49 Там же.

50 И.М.Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 222.

51 П.Καρολίδης, Γλωσσάριον συγκριτικῶν ἑλληνοκαππαδοικῶν λέξεων, Σμύρνη, 1885, σελ.62-63.

52 H.Glykatzzi-Ahrweiler, Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin, p.47.

53 De Thematibus.

в составе Малой Армении⁵⁴ / μέρος τῆς Μικρᾶς Ἀρμενίας /. Во времена Льва VI /886-912 гг./ Ликанд стал клисурой, а в годы первого правления Константина Порфирородного /913-919 гг./ - фемой, первым клисурархом и стратигом которого был назначен армянин Мелиас⁵⁵. Именно его стараниями эти земли были "заполнены армянами"⁵⁶ / πᾶσα ἡ χώρα μεστὴ γέγονε τῶν Ἀρμενίων /. Ученый император считает, что Ликанд название армянское⁵⁷ / ἡ δὲ ὀνομασία τῆς πόλεως ἀρχαία τις καὶ παλαιὰ ἀπὸ τῆς τῶν Ἀρμενίων γενεᾶς τε καὶ γλώττης ὀνόμαστο/

Отец Дигениса и его семья жили в Рухе /Эдессе/ в Сирии. Это древнейший город в Дийар Мударе, древней Осроене. Здесь с давних пор вместе с сирийцами проживали армяне, которые играли большую роль в экономической и культурной жизни страны. Не случайно, в V в. /а возможно и задолго до этого/, армяне были убеждены, что Осроена - армянское царство, и его цари - армянские цари. Для Мовсеса Хоренаци, например, царь Абгар / Абгар V Уккама/, принявший христианство, является армянским царем. В течении времени армянское население города все более увеличивалось. Ибн аль-Асир большую часть жителей города считает армянами. Матфей Эдесский полагает, что город был построен армянским царем Тиграном. Когда в 1032 г. город перешел к империи, византийское пра-

54 Там же.

55 Constantine Porphyrogenitus De Administrando Imperio, p.240.

56 De Thematibus.

57 Там же.

вительство назначало его правителями преимущественно армян, учитывая этнический облик Эдессы.

Итак, и родина отца Дигениса, и родина его матери во времена создания византийского эпоса были районами, где преобладало армянское население. Это обстоятельство нельзя не учитывать при изучении вопроса об этнической принадлежности создателей эпоса.

Эпос сохранил и данные о районе, в котором обосновался герой после того как ушел от родителей. Есть множество упоминаний о "границах", о местах, "принадлежащих его отцу", словом о местах на византийско-арабской границе в Сирии. Эпос дает возможность более конкретно представить эти места. Византийский император встретил героя на левом берегу реки Евфрат. Это говорит о том, что Дигенис Акрит обосновался в той области исторической Армении, которая называлась Четвертой Арменией. Четвертая Армения в источниках называется и Месопотамией или Верхней Месопотамией⁵⁸. В эпосе упоминаются и армянские князья этой области. В источниках князья Четвертой Армении назывались сатрапами, а население этой области в византийских источниках названо *ἔθνη* или *gentes*, т.е. народцы⁵⁹. В Андресской и Трапезунтской версиях, т.е. в тех версиях, которые обращают больше внимания на византийский Восток, несколько раз упомянуты "сатрапы" и "народцы".

IX-X вв., когда сложился эпос о Дигенисе Акрите под сатрапами Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani, ed. H. Gelzer, Lipsiae, 1890, p. 46.

См. Прокопий Кесарийский, О Постройках, кн. III, гл. I; Codex Justinianus, De off. mag. mil., I, 29, 5. См. также K. Güterbock, Römisch-Armenien und die römischen Satrapien im 4. bis 6. Jahrhundert, Königsberg, 1900; Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, С.-Петербург, 1908, стр. 28-45.

ми вряд ли подразумевались сатрапы Ахеменидской Персии, которые перестали существовать почти полтора тысячелетия до этого. Но можно не сомневаться, что в памяти людей, живущих на востоке Византии, была еще свежа память о сатрапах Четвертой Армении. В эпосе говорится о том, что все сатрапы посылали Дигенису подарки, что Дигенис подчинил себе всех "народцев" и принудил их платить императору подати. Все это ничто иное, как отражение исторической действительности Четвертой Армении.

Но если Четвертая Армения упоминается в эпосе косвенно, то отдельные ее кантоны названы поименно. Речь идет о Хордзиане и Ангел-туне. В эпосе говорится, что в одном набеге на Каппадокию арабский эмир, будущий отец Дигениса, проехал через "страну Геракла" и Хардзиану. Исследователями *Χαρζιανή* эпоса была отождествлена с византийской фемой Харсианон, а "страна Геракла" / *χώρα τοῦ Ἡρακλέος* / - с городом Ираклией на севере Киликии. Но такой маршрут не представляется логичным, ибо Каппадокия лежит между Ираклией и Харсианоном, т.е. чтобы попасть в Каппадокию не нужно сначала ехать в Харсианон, т.к. он находится севернее Каппадокии⁶⁰. Все дело в том, что под *Χαρζιανή* византийского эпоса скрывается вовсе не фема Харсианон, а кантон Четвертой Армении Хордзиан. Эмир отправился в Каппадокию не через Харсианон, а через Хордзиан, что вполне логично. Этим выясняется и сущность "страны Геракла", под которой подразумевается вовсе

60 См. А.Я. Сыркин, Поэма о Дигенисе Акрите, стр. 99.

не город Ираклия, а кантон Четвертой Армении Ангел-тун /страна Ангела, Ангилена византийцев/. Этот кантон носил имя армянского мифического героя Ангела, который отождествляется с греческим Гераклом.

Путь в Каппадокию через Ангилену и Хордзиан - обычный маршрут персидских царей в пределы Византийской империи⁶¹.

Византийский эпос сохранил упоминание еще об одном кантоне Западной Армении. Речь идет о Мананали, большом центре еретиков-павликиан. В эпосе он называется Ахайей, куда, по данным эпоса, император Роман из Каппадокии отправился воевать против своих врагов. Исследователи, убежденные в том, что речь идет об Ахайе в Пелопонесе, не придавали какого-либо значения такому абсурдному маршруту. Ведь в Пелопонес не ездят через Каппадокию! Но из упоминания этой местности они делали далеко идущие выводы о времени составления Трапезунтской и Андросской версий, т.к. считали, что здесь отражена борьба византийцев против франкского принципата в Ахайе Пелопонесской в середине XIII века. Вопрос решается проще. Мы не имеем здесь дело с поздней интерполяцией и т.п. в эпосе. Под Ахайей, которая, как ясно видно из эпоса, находилась недалеко от Евфрата, скрывается кантон Западной Армении Мананали, который с VIII века павликианами называлась именно Ахайей⁶².

61 См. Прокопий Кесарийский, О Постройках, кн. III, гл. 3.

62 См. Р. М. Бартикян, Источники для изучения истории павликианского движения, стр. 146, 198.

Из всего вышеизложенного следует, что родина родителей Дигениса и его самого, а также места их деятельности находились в Западной Армении.

ГЛАВА ПЯТАЯ: "Историческая канва эпоса о Дигенисе Акрите".

Упоминание в византийском эпосе множества исторических персонажей и событий не оставляет сомнения в том, что "Дигенис Акрит" отражает определенную историческую эпоху. Ниже мы остановимся на некоторых персонажах эпоса, исторические прообразы которых упомянуты в нарративных источниках. Прежде всего, разумеется, было бы необходимо определить историчность главного героя. Исследователями в этом аспекте была проделана некоторая работа, но все попытки увидеть в каком-нибудь историческом персонаже прообраз Дигениса не имели успеха, ибо, как правильно отметили ученые, Дигенис - образ собирательный, фольклорный, на формирование которого могли повлиять отдельные сведения о конкретных исторических персонажах⁶³. Легче установить исторический фон эпохи Дигениса, историчность других персонажей эпоса. Так, дед Акрита по материнской линии в Гротта-Ферратской версии назван Антакином. Он принадлежал к семейству Киннамадов. В остальных версиях он назван Аароном и Андроником, причем Аарон было его "сирийское" имя. Согласно этим версиям, он принадлежал к семейству Дуков. У Андроника была одна дочь и пятеро сыновей. Известно имя только одного сына, старшего - Константин. Согласно эпосу, Андроник Дука

63 А. Я. Сыркин, Поэма о Дигенисе Акрите, стр. 89.

из-за поднятого им мятежа против центральной власти был отправлен в ссылку, где и умер.

Известно, что византийская аристократическая семья Киннаматов парфяно-армянского происхождения⁶⁴. Что касается Дуков, то их семья в середине XI в. овладевает даже императорским тронном.

Андроник Дука лицо историческое. Он во времена Льва VI служил в византийской армии и восстал против императора. Потерпев неудачу, он вместе с сыном Константином вынужден был искать убежище у арабов. Андроник скончался на чужбине, но его сын Константин вернулся в Византию и был с почетом принят Львом VI⁶⁵.

Прадед Андроника по материнской линии в эпосе назван "чудесным" Муселомом. Не может быть сомнения в том, что Муселом - это армянское имя Мусел /Мусег/. В Византии под этим именем известен Алексей Муселе, знаменитый полководец времен императора Феофила /829-842 гг./, императора, зятем которого и был Муселе⁶⁶. Об этнической принадлежности его имеется ясное указание у Симеона Магистра⁶⁷ /'Αλέξιον Ἀρμένιον φ' ἐπώνυμον Μουσελέ/.

64 Π. Καρολίδης, Σημειώσεις κριτικαί, ιστορικαί καὶ τοπογραφικαί εἰς τὸ μεσαιωνικὸν ἔπος. Ἐπιστημονικὴ ἐπετηρὶς τοῦ Ἑθνικοῦ Πανεπιστημίου, Ἀθήναι, 1905-1906, σελ. 223; Π. Καλονάρος, Ὁ Διγενὴς Ἀκρίτας, τμ. Α', σελ. 36; N. Adontz, Les fonds historiques..., p. 14.

65 Theophanes Continuatus, p. 371; Georgius Cedrenus, II, p. 269.

66 Theophanes Continuatus, p. 107-108.

67 Там же, стр. 630.

По всем версиям отцом Дигениса является эмир города Руха /Эдесса/ Мусур, который приняв православие был назван Иоанном. В эпосе упомянуто и имя деда Мусура, он назван "великим султаном Амброном". Исследователи с большим основанием отождествляют его со знаменитым мелитенским эмиром Омаром ибн Абдаллах аль-Актой /погиб в 863 г./, который, согласно Продолжателю Феофана, назывался именно Амброном⁶⁸. Исходя из этого, исследователи были уверены, что прообразом Мусура был мелитенский эмир Абу Хафс ибо последний и есть внук исторического Амброна. Этот Абу Хафс в 928 г. перешел на сторону византийцев. Откликом именно этого события ученые считали факт перехода на сторону византийцев эмира Мусура, будущего отца Дигениса. Но верно ли такое отождествление? Кто родители Мусура? Отец Мусура в эпосе назван Хрисохерпом, мать - Спафией. По данным эпоса, Хрисохерп уничтожил множество ромеев, совершил набеги на ряд византийских фем. Окруженный византийцами, обещавшими ему титул патрикия и звание стратига, если он бросит меч, Хрисохерп отказался сдаться.

Еще К.Сафа и Э.Легран высказали предположение, что под Хрисохерпом скрывается грозный военачальник павликиан Хрисохир. Данные источников и эпоса в этом рассказе вполне совпадают, и исследователи согласились с этим отождествлением.

Итак, отец Мусура вовсе не араб, а армянин-павликианин. Армянин, поскольку исторический Хрисохир - племянник Карбеаса, а Карбеас, как свидетельствует его имя /Карбис - Карапет/ - армянин. Имя матери эмира - Спафия тоже не арабское. Оно переклика-

68 Там же, стр. 166.

ется с названием павликианской крепости Спафи, находящейся недалеко от Тефрики. Брат Спафии, т.е. дядя Мусура, назван в эпосе Кароесом. Он военачальник, совершивший ряд набегов на Романию. Те же К.Сафа и Э.Легран отождествляли Кароеса с историческим Карбеасом, павликианским вождем /умер в 863 г./, что не вызвало возражений со стороны большинства ученых. Мы также присоединяемся к этому мнению, поскольку имя Каро/ес/ не что иное, как одна из ласкательных форм того же армянского имени Карапет /означает Предводитель, Предтеча; так называется у армян Иоанн Креститель/. В этой связи большое значение имеет сообщение арабского историка Масуди. "Один из греков,- пишет он,- принявший ислам и сделавшийся хорошим мусульманином, сообщил мне, что греки в одной из своих церквей имеют десять изображений лиц, отличившихся среди христиан храбростью, энергией и хитростью, а также /изображения/ ловких мусульман; между ними ... и Карбеас Байлакани /павликианин/, правитель города Ибрик /Тефрики/, который теперь принадлежит грекам... в настоящее время, т.е. в 332 году /4 сент.943-23 авг.944/, они /т.е. павликиане - Г.Б./ вошли в общую массу греков"⁶⁹.

Для нас это сообщение приобретает большое значение, ибо свидетельствует о том, что павликианина Карбеаса, разумеется и его племянника и зятя Хресохира, византийцы ставили на одну доску с мусульманами. Дело в том, что союз Карбеаса и Хресохира с арабами, их долгая совместная борьба против империи, у византийцев

69 А.А.Васильев. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С.-Петербург, 1902. Приложение, стр. 30.

и арабов создали впечатление, что павликианские вожди, возможно, приняли ислам. В этом отношении византийский эпос вовсе и не грешит, когда в их эпических воплощениях видит мусульман.

Итак, упоминание павликианских вождей в византийском эпосе, восхваление их подвигов против византийцев, важная роль, которую они, эти вожди, играют в эпосе, близкое родство героя Дигениса с этими павликианскими вождями, дали основание ряду исследователей, как говорилось в начале, считать византийский эпос созданным в павликианской среде. Ученые отмечали также, что эпосу присущи большая расовая и религиозная терпимость, что автор поэмы хорошо знаком с мусульманскими реликвиями и тепло, без всякой вражды говорит о мусульманах⁷⁰. В поэме ничего не говорится об убийстве Амброна, хотя есть упоминание о битве, в которой он погиб. Ученые это считают явным отражением проарабской традиции в эпосе⁷¹. В эпосе нет упоминания о какой-нибудь победе Дигениса над арабами, его враги, главным образом, христиане⁷². Но поразительно другое. Арабский мир не только лоялен к византийскому герою, но, более того, он питает к нему самые теплые чувства. По данным Андросской версии, о кончине Дигениса скорбит арабский мир и его вельможи, но отнюдь не византийцы. Арабы спешат на его похороны, а Византия представлена только

70 А.Я.Сыркин, Поэма о Дигенисе Акрите, стр. 24.

71 Там же, стр.101.

72 Там же, стр. 88.

пришельцами из Левкопетры⁷³, что и понятно, так как эта местность принадлежала родителям Дигениса. Несмотря на то, что автор поэмы считает Дигениса "славой ромеев", "подарившим Романии покой от арабов", эти же самые арабы питают любовь к сыну вероотступника, который вдобавок ко всему был рожден от "мерзкой христианки". В чем причина такого отношения эпоса к арабам? В чем причина недоверчивого, а по русской версии даже враждебного отношения Дигениса к византийскому императору? Если считать византийский эпос феодальным, созданным преимущественно в среде византийской аристократии, то на поставленные вопросы ответить нельзя. Мы приходим к выводу, что эпос, во всяком случае первая его часть, была создана в среде людей, которые, будучи христианами, жили независимо и от византийцев, и от арабов, были в дружеских связях с арабами и враждебно относились к византийцам. В данную эпоху такими людьми могли быть только павликиане. В связи с этим нужно остановиться и на вопросе об апелатах, которым не напрасно в эпосе отведено такое большое место. Кто скрывается под апелатами эпоса?

Исследователи отмечали, что апелаты очень напоминают клефтов, героев греческой освободительной борьбы против турецкого ига в Греции⁷⁴. Ученые выяснили и классовую принадлежность апелатов, усматривая в них отряды "разбойников", сформированных

⁷³ В Гротта-Ферратской версии упомянуты и "кукулитарюты" и "хардианы", которых отождествляют с вукеллариотами и харсианитами. Если такое отождествление и верно, то вряд ли из этого можно заключить, что Андросская версия вычеркнула их имена. Скорее всего случилось обратное, их имена добавлены в Гротта-Ферратской версии.

⁷⁴ См. А.Я.Сыркин, Поэма о Дигенисе Акрите, стр. 156.

преимущественно из беглых крестьян и рабов, которые, возможно, принимали участие в феодальных мятежах 70-х годов X века⁷⁵. Если высказывания о классовой принадлежности апелатов вполне убедительны, то этого нельзя сказать относительно утверждений о времени их действия. По всем данным византийского эпоса они действовали на византийско-арабской границе в конце IX - начале X века, но они существовали там и до этого. Из эпоса видно, что народные песни, восхваляющие апелатов, воспевались до того как был создан "Дигенис Акрит" и с возникновением последнего они были отодвинуты на второй план.

Апелаты одеты в "странные" для автора поэмы одежды и вооружены арабскими копьями. Слово апелат, обозначающее "погонщик скота", встречается еще в Законодательстве Юстиниана, но кем были апелаты в IX-X вв., когда складывался эпос о Дигенисе? Из эпоса видно, что апелаты живут на берегу Евфрата и составляют две группы. Одну группу возглавляет Мелемендзис, который в свою очередь подчиняется Максимо, другую группу возглавляет Филопал и его "сыновья" Киннам, Иоаннакий и Леандр, которые считаются военачальниками / *πολέμαρχος* /. Обе группы находятся в союзнических отношениях между собой, во время войны они оказывают друг другу военную помощь. Они защищают клисуры от врага, совершают подвиги, нападают и побеждают врагов, овладевают селениями и городами. Все это показывает, что апелаты не воры,

⁷⁵ А.П.Каждан, Деревня и город в Византии в IX-X вв., стр. 368.

а закаленные в боях герои. Из эпоса видно также, что не всякий мог стать апелатом, не всякий мог гордиться высоким званием апелата, не случайно, сам Акрит мечтал стать апелатом и клялся именем святого Феодора-"великого апелата". Не трудно убедиться также, что апелаты были независимы и от империи, и от халифата⁷⁶.

Для определения исторического прообраза апелатов, по нашему мнению, большую ценность представляют данные Константина Порфирородного. От него мы узнаем, что в конце IX и самом начале X века Четвертая Армения была местом деятельности армянина Мануила. Он был независим, не подчинялся ни Византии, ни халифу, хотя по всей вероятности находился под верховной властью халифата. Его политическое положение очень напоминает политическое положение Карбеаса и Хрисохира в эпоху республики Тефрики. Вместе с Мануилом подвизались и его сыновья - Панкратукас, Яхнукас, Мудафар, Иоанн, Цукрикас и Тавтукас. В то же самое время в южной Армении развернули свою деятельность еще ряд армян - Мелиас, два его брата Крикорик и Пазун, а также армянин Исмаил. Если внимательно отнестись к рассказу Константина Порфирородного, то видно, что Мелиас и другие армяне до этого проживали в пределах Византии а затем, по неизвестным причинам вынуждены были искать убежище у арабов. Известно и место куда они бежали. Это город Второй Армении Мелитена, город бывшего союзника павликиан Омара ибн Абдаллах аль-Акты. Случаен ли побег именно в Мелитену?

76 A. Vasiliev, Histoire de l'Empire Byzantin, t. I, Paris, 1932, p. 486.

Что их вынудило искать убежище у арабов? Когда они бежали? Они решили вернуться в Византию в царствование Льва VI, значит они бежали оттуда во времена отца Льва VI, Василия I. Почему они бежали? Мы будем не далеки от истины, если предположим, что причина в репрессиях со стороны империи, а Василий I тогда преследовал именно павликиан. Еще во времена Филиппика-Вардана /711-713 гг./ преследуемые в империи павликиане нашли убежище в Четвертой Армении и Феодосиополе, /откуда Константин V переселил их во Фракию/, в той Четвертой Армении, куда впоследствии бежал и вышеупомянутый Мануил с сыновьями. В начале IX века в Мелитене нашли убежище ересиарх Сергей с массой павликиан. Немного спустя в Мелитену бежал Карбеас с пятью тысячами павликиан. Очевидно павликиане после своего разгрома в 70-х годах IX в. нашли убежище в местах уже ставших традиционными. На это есть и ясный намек Генесия.

Итак, не исключено, что и Мануил, и Мелиас и другие вышеупомянутые лица являются павликианами, нашедшими убежище у арабов. Их имена ясно свидетельствуют об их незнатном происхождении /Цукрикас по-армянски означает Малыш, и другие имена, например Яхнука, распространены вовсе не в среде знати/. Все они решили вернуться в Византию только во времена Льва VI, т.е. после смерти ярого врага павликиан Василия I. Причина этого - новая политика Льва VI по отношению к бывшим еретикам, политика их задобривания. Он даже Диаконицу, телохранителя грозного Хрисохира, сделал менсуратором и отправил в Италию против врагов империи

с войском из бывших павликиан⁷⁷. Мелиас, Мануил и другие потребовали у стратига фемы Харсианон Евстафия Аргира хрисовул о назначении их правителями обширных территорий на востоке Византии и только после получения этого документа согласились вернуться⁷⁸. Между прочим, знаменитый Мелиас потребовал должность турмарха Евфратии, именно Евфратии, которая не что иное, как район города Тефрики, столицы павликиан. Случайно ли это? Все это говорит о том, что Лев VI был не прочь использовать военную силу грозных еретиков в своих целях. Мелиаса он, например, до этого послал на войну против болгар.

Итак, если Мелиас является павликианином, вернее бывшим павликианином, следовательно нужно считать павликианином и его эпическое воплощение — Мелемендзиса, и если руководитель апелатов Мелемендзис павликианин, то нужно считать таковыми и апелатов вообще. В пользу нашего предположения свидетельствует и факт, сохранившийся только в "девгениевом деянии". Попавшим в плен к византийцам предводителям апелатов Филопапу, Киннаму и Иоаннакису "возложи пятно", или "возложи им знамена на лице"⁷⁹. Это явный отклик наказания еретиков, на челе которых ставили "лисье клеймо". Так поступали в Армении по отношению к еретикам мессалианам и тондракитам.

Переход Мелиаса и других в Византию, по всей вероятности, не был добровольным. Их политическое положение — буферное состо-

⁷⁷ Theophanes Continuatus, p. 313.

⁷⁸ De Administrando Imperio, p.238.

⁷⁹ См. В.Д. Кузьмина, Девгениево деяние, стр. 153, 156.

яние между арабами и византийцами — вынудило их перейти на сторону Византии.

В удивительно сходном состоянии находятся и апелаты эпоса. Под давлением Дигениса, сына павликианина-перебежчика, они обращаются к герою с призывом примириться, предлагают ему принять верховную власть над апелатами. Они обещают стать его вассалами и участвовать в его военных походах. Более того, Дигенис получает земли апелатов. После их подчинения ему Дигенис обосновывается на берегу Евфрата, в местах, которые раньше принадлежали апелатам.

Итак, мы приходим к следующему заключению. Согласно эпосу в Византию приезжает сын Хрисохерпа, т.е. сын исторического Хрисохира, вождя павликиан. И приезжает он не один, а со своими родственниками и воинами. Следовательно, основным моментом византийского эпоса является не семейный союз араба с византийцами, и не переход арабов в Византию, а переход в империю бывших еретиков. Не исключено, что среди них были и родственники Хрисохира, а может быть и сам сын Хрисохира, не важно, звался он Мусуром или нет. В Византии они, разумеется, отказались от "магометанства" /от павликианства, а может быть и от магометанства, которое, возможно, вынуждены были еретики, хотя бы их верхушка, принять в халифате/ и приняли православие, подобно телохранителю Хрисохира диаконице, о чем есть сообщение Генесия /стр.125/:
(ἄλλοιωθέντα τὴν πρὸς τὸ κρεῖττον ἄλλοίωσιν ἐν τῆς μουσαρᾶς θρησκείας τῶν Παυλιανιτῶν / . Они установили свойственные связи со знатью восточных областей империи. Этим и объясняется, почему "арабы" довольно легко согласились перейти в Византию, почему стратиг Дука согласился выдать свою дочь за "мусульманина". Ведь союз с бывшими еретиками, желало этого центральное правительство или нет, давал Дукам надежного союзника. Этим

объясняется и тот факт, почему эти "арабы" хорошо представляли не только мусульманское вероисповедание и традиции, но прекрасно знали и традиции христиан. Отсюда и подчеркнутая расовая и религиозная терпимость в эпосе.

Мануил и Мелиас, их сыновья и воины действительно получили высокие звания и посты в Византии. Не исключено, что они, как уже отмечалось выше, установили и свойственные связи с византийцами, в частности с дукками. Несомненно, бывшие павликиане прекрасно знали и пели песни, восхваляющие подвиги их знаменитых отцов и их союзников арабов /Амбронна/. Именно эти песни и составили павликианское, проарабское ядро византийского эпоса. По всей вероятности, по возвращении были созданы песни, восхваляющие Дигениса Акрита, внука павликианского вождя и византийского аристократа-бунтовщика, отсюда и в какой-то мере противоречивый образ Дигениса Акрита. Из среды павликиан, разумеется, идут отголоски еретических верований в эпосе /отождествление Христа с солнцем/.

В византийском эпосе нашли свое отражение и другие исторические лица, например, византийский военачальник Судалис, возглавлявший во времена императрицы Феодоры карательную экспедицию против павликиан. В эпосе его убивает Дигенис. Ученые в этом видят отражение ненависти павликиан к их гонителям. Что касается эмира Аплоравда, то он, по всей вероятности, и есть эмир города Маназкерга Абу-ль-Вард I, правивший в третьей четверти IX в., эмир, который казнил основателя ереси тондракитов Смбата Зарехаванци.

В Эскуриальской версии эпоса о Дигенисе Акрите упомянуты имена трех лиц, не встречающихся в других версиях. Это во-первых Апохалп и его дед Майак. Ряд исследователей отождествляет Апохалпа с эмиром города Мелитены Абу Хафсом, внуком эмира Омара ибн Абдаллах аль-Акты, не обращая внимания на то обстоятельство, что Апохалп не араб, а армянин. Это подтверждается именем его деда - Майака. Майак не что иное, как армянское имя **Маяк** / Հմայակ /. Не исключено, что под Апохалпом эпоса скрывается упомянутый Матфеем Эдесским правитель города Эдессы /т.е. города, принадлежащего, по данным эпоса, отцу Дигениса/ Апухап.

Третье лицо в Эскуриальской версии названо Мусуфрис. Его отождествляли с отцом Дигениса Мусуром, не принимая во внимание то, что в эпосе он выступает как воин Мусура, т.е. они разные люди. Мусуфрис, несомненно, арабское имя Музафар /Мудафар/. В свете всего вышеизложенного небезосновательно отождествить его с сыном Мануила Мудафаром, который, после своего прибытия в Византию, получил царские земли в районе Трапезунта.

Итак, ясно, что канва византийского эпоса вполне реальна и исторична, большинство эпических персонажей это действительно жившие и подвизавшиеся в основном во второй половине IX и в начале X века исторические лица.

ГЛАВА ШЕСТАЯ: "Отголоски Торка-Ангела в византийском эпосе".

Каждый эпос - творение определенной эпохи. Однако в нем часто отражаются события и люди, далеко не современные эпосу. Эпос содержит также песни и легенды совершенно других исторических эпох, разумеется, не в первоначальном виде. И это естественно, т.к. эпос в устах певцов и сказителей в течение веков все время "обновляется". Не является исключением и "Дигенис Акрит". Выше уже было сказано о том, что песни об апелатах предшествовали сказанию о Дигенисе Акрите. Территориальное происхождение византийского эпоса, этнический состав живущих там людей, подсказали нам мысль искать в византийском эпосе отголоски предшествовавших "Дигенису Акриту" армянских народных песен и легенд. Работа в этом направлении дала определенные результаты.

В Трапезунтской, Андросской, Андросской прозаической и Оксфордской версиях "Дигениса Акрита" среди противников героя встречается некий богатырь по имени Ангила / 'Αγγύλας /, который отличается большой силой. Он единственный, которому удалось один раз победить Дигениса. Однако через год Дигенис убивает Ангила ударом дубинки по голове.

Попытки идентифицировать героя-богатыря Ангила с какой-либо исторической личностью не дали ощутимого результата. А.Я. Сыркин считал, что сопоставить Ангила с кем-либо трудно⁸⁰, и

80 А.Я.Сыркин, Поэма о Дигенисе Акрите, стр.III.

это понятно, ибо из рассказа об Ангиле хорошо видно, что мы имеем дело не с исторической, а мифической, легендарной личностью.

В эпосе сказано, что Ангила жил в Месопотамии, разумеется, не в историческом Двуречьи, а в византийской провинции-феме Месопотамия. В административном делении Византии провинция Месопотамия с центром Амидом входила в состав префектуры Востока⁸¹. Согласно сирийским источникам Амидская область носила в древности название Бет-Ангелайе, по старинной крепости Ангел, расположенной на север от Амиды⁸². В состав провинции Месопотамия входила область, которая в армянских источниках называется Ангел-тун, Дом, т.е. страна Ангела /Ангелена византийцев/. Об этом свидетельствуют протоколы Халкидонского собора 451 г. Месопотамия там представляли шесть епископов: из Амиды, Софены, Анзитены, Мартирополя, Ингела-Ангелены и Софанены. В VI в. Ангелена входила в состав Великой Софены, а после 591 г. Великая Софена вместе с Арзаненой вошла в провинцию Верхняя Месопотамия⁸³. Верхняя Месопотамия у Георгия Кипрского отождествляется с Четвертой Арменией⁸⁴, а Четвертая Армения в Армянской географии VII в. отождествляется с Софеной⁸⁵. Ангелена же, как уже

81 *Notitia dignitatum*, ed. O. Seeck, Berlini, 1876, p.77.

82 Н.В.Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, Москва-Ленинград, 1941, стр. 15.

83 Н. Hübschmann, *Die altarmenische Ortsnamen*, Strassburg, 1904, SS. 303-304.

84 *Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani*, ed. H. Gelzer, Lipsiae 1890, p.46.

85 С.Т.Еремян, Армения по "Ашхарацуйц"-у /Армянской географии VII века/, Ереван, 1963, стр. 106 /на арм. яз./.

сказано, входила в состав Софены.

Все сказанное свидетельствует о том, что Ангелена входила в состав провинции Месопотамия, той Месопотамии, откуда был родом герой-богатырь Ангила.

Позже, как видно из данных Константина Порфирородного, упомянутые территории вошли в образованную Львом VI фему Месопотамия.

В IV в. при христианских Аршакидах Ангелена была царским доменом. Как указывает армянский историк V в. Фавстос Бузанд, страна Ангел-тун "издревле была остан аркуни" /т.е. царской областью/⁸⁶. "Там находились усыпальницы многих армянских царей Аршакуни и с давних пор там были скоплены предками большие сокровища"⁸⁷. Армянский историк V в. Агафангел из 16 правителей Армении первым упоминает "князя Ангел-туна", и этот князь - единственный, носящий у него прозвище "Великий"⁸⁸.

Развалины знаменитого замка Ангела находятся при местечке Агил, удержавшем древнее название.

В сирийских источниках крепость Ангел упоминается у Иешу Стилита, Захарии Ритора, Иоанна Эфесского, /который, впрочем, сам был уроженцем Ангела/, как Аггел - *Aggel*⁸⁹. У теперешних

86 История Армении Фавстоса Бузанда, перевод М.А.Геворкяна, Ереван, 1958, стр.163.

87 Там же, стр. II2.

88 Агафангел, История Армении, Тифлис, 1909, стр.460 /на древнеармянском языке/.

89 Н.В.Пигулевская, Месопотамия на рубеже V-VI вв. н.э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник, Москва-Ленинград, 1940, стр.149. ее же, Сирийские источники..., стр. 15.

сирийцев местность называется *Agy1* или *Angyl*⁹⁰.

В византийских источниках Ангелена упоминается Петром Патрицием - 'Ιγγυληνή⁹¹, а также в законодательстве Юстиниана⁹². Она входила в число тех армянских княжеств, которые в византийских источниках назывались сатрапствами и были расположены на юге Армении, между Тигром и Евфратом.

В армянском языческом пантеоне был бог по имени Ангел. Это подтверждается тем, что библейский бог 'Еруэл -Нергал в армянском переводе Библии, сделанном в V в., выступает как Ангел. Н.Адонц проводит линию между семитским Нергалом, греческим Гераклом, армянским Ангелом и находит возможным считать, что прообразом Ангела является семитский Нергал. Он полагает, что название крепости Ангел происходит от одноименного Ангела, храм которого, по всей вероятности, там и находился⁹³. У Моисея Хоренаци, однако, Ангел выступает не в божественном, а героическом облике. Отец армянской истории указывает, что армянский царь Валаршак, брат парфянского царя Аршака, передал управление разными областями Армении нахарарским родам. Среди них "исполина ростом и силою, из потомков Пасхама, внука Айка, по имени Торк"⁹⁴ которого за чрезвычайное его безобразие прозвали Ангеля, Валаршак называет правителем запада. По безобразию /Торка/ Валаршак называет его род "Дом Ангел". Впрочем, если

90 *Assemani, Bibliotheca Orientalis, t.I, p.273, t.III, p.714.*

91 *Ex Historia Petri Patricii et Magistri excerpta De legationibus romanorum ad gentes, Bonnae, 1829, p.135.*

92 *Codex Iustinianus, De off. mag. mil., I, 29, 5.*

93 *N.Adontz, Tarkou chez les anciens arméniens, Revue des Etudes Arméniennes, t.VII, fasc.I, 1927.*

94 По предположению Н.Адонца, под Торком скрывается имя хеттского божества Тарку.

желаешь, расскажу тебе о нем /такие же/ невероятные и нелепые сказки, какие Парсы рассказывают о Ростоме Сагчике, уверяя, что он обладал силою двадцати слонов. Слова Песни о силе и неустрашимости Торка до того нескладны, что не могут быть применяемы ни к Самсону, ни к Гераклу, ниже к Сагчику. Ибо пели про него: возьмется, бывало, руками за гранитные без трещины скалы, отломит от них, по желанию, большие или малые куски; примется сглаживать их ногтями и образует из них плиты, на которых ногтями же изобразит орлов и тому подобное. /Пели про него также/, что близ берегов Понтийского моря, встретив неприятельские корабли, бросился за ними. Но корабли успели отплыть в открытое море на расстоянии восьми стадий, и Торк не поспел за ними. Тогда он, поется в Песни, схватывает скалы величиною с холм и кидает им вслед. От сильного расступления вод потонуло немало кораблей; и волны, поднявшиеся от всколыхания вод, разогнали оставшиеся корабли на многие мили. Вот это - легенда, подлинная царица легенд! Да что тебе за дело. Верно одно: /Торк/ обладал чудовищною силою, и недаром сложены про него подобные сказания"⁹⁵.

У анонимного армянского автора, текст труда которого дошел до нас в поздних рукописях "Истории" Себеоса /VII в./ упоминается армянский царь Фарнаваз. "Он родил Багама и Багарата; Багарат родил Бюрата; Бюрат родил Аспата; сыны Багарата получили в качестве наследства в странах западных, т.е. дом Ангела, и поэтому Багарат был назван и Ангелом, которого обоготворяли в это время народы варварские"⁹⁶.

⁹⁵ История Армении Моисея Хоренского, новый перевод Н.Эмина; Москва, 1893, кн. II, гл. 8 /стр. 59/ с некоторыми уточнениями, сделанными на основании критического текста "Истории".

⁹⁶ История епископа Себеоса, перевод К. Патканяна, СПб, 1862, стр. 7.

Легенды о герое-исполине Ангеля существовали именно в Ангел-туне - Ангелене, где они, вероятно, были созданы. Но из этого не следует, что их знали только в Ангелене. Они, несомненно, были распространены по всей Армении. Здесь нужно подчеркнуть, что в песнях о Торке-Ангеле-Ангеля воспевались вовсе не хеттский бог Тарку или же его армянский эквивалент Ангел. Во времена Хоренаци, а тем более, после него, существовали песни именно о Торке-Ангеле-Ангеля, герое-исполине, не имеющем ничего божественного, но сохранившем лишь героические черты, что и сделало его, по словам Моисея Хоренаци, достойным подобных сказаний. Хоренаци сравнивает Ангеля с персидским героем Ростомом, библейским Самсоном, греческим Гераклом, подчеркивая только его силу, но отнюдь не божественное происхождение.

Песни о герое-богатыре Ангеля бытовали в Ангел-туне - Ангелене и вообще во всей Армении долгое время. Нам удалось выяснить, что они были распространены даже в XVI столетии, и не только среди армян, но и среди мусульман. В своем рассказе об Агиле /Ангелене/ курдский историк конца XVII века Шериф ад-дин Битлиси между прочим пишет: "Агил - крепость, расположенная на вершине высокой скалы. Та скала так искривилась, что при виде ее человеком овладевает безграничный страх и ужас. Из уст в уста передается известное предание, согласно которому туда прибыл один из божьих пророков. Указывая на ту скалу, он произнес по-турецки: /в персидском тексте - "белафзе т о р к и " - Г.Б./ /"Искривись!"/, и /повинуясь/ всемогущей воле творца, скала

искривилась. Истинное знание у Аллаха"⁹⁷.

Под "белафзе торки", по всей вероятности, скрывается имя нашего исполина Торка-Ангела. Его имя у мусульман вызвало такую ассоциацию. В пользу этого предположения говорит, во-первых, то обстоятельство, что "белафзе торки" в том смысле, как его понял Шереф ад-дин, в данном контексте немислимо и непонятно. Во-вторых, эта легенда имела распространение именно в Агиле. И, в-третьих, выражение "он произнес "белафзе торки" и ... скала искривилась" соответствует рассказу Хоренаци: "возмется /Торк/, бывало, руками за гранитные без трещины скалы и отломит от них, по желанию, большие или малые куски; примется сглаживать их ногтями и образует из них плиты...".

Эти песни и легенды об исполине Ангеля не могли исчезнуть без следа. Они заняли должное место и в эпосе о Дигенисе Акрите, действие которого происходит именно в тех районах, где бытовали песни о богатыре Ангеля, ибо герой-гигант Ангила византийского эпоса, сила которого несколько раз там подчеркивается, по нашему предположению, и есть армянский исполин Ангеля, о баснословной силе которого писал Мовсес Хоренаци. Ангеля происхождением связан с Ангеленой, Ангила, как мы отметили выше, с провинцией или фе-мой Месопотамия, в которую входила территория Ангелены.

97 Шараф-хан ибн Шамсадин Бидлиси, Шараф-наме, том I, перевод, предисловие, примечания и приложения Е.И.Васильевой, Москва, 1967, стр.233-234.

Значение проделанного нами исследования об Ангеля отнюдь не в том, что удалось идентифицировать одну личность из византийской эпопеи. Значение в том, что становится еще более ясной та историческая почва, на которой был создан византийский эпос, становится ясным, что армянское население Западной Армении, вопреки тысячелетнему господству Рима и Византии, не забыло свою историю, не забыло своих легенд и сказаний, свои народные песни и, передавая их из поколения в поколение, сохранило их до времени создания "Дигениса Акрита".

ГЛАВА СЕДЬМАЯ: "Дигенис Акрит" и курдский эпос о Златоруком хане /Дымдым/.

Византийский эпос сложился на территории, где, кроме армян, и греков, проживали также арабы, сирийцы, курды, которые в той или иной мере были участниками одних и тех же политических событий. Эти события наложили свою печать на их жизнь и культуру, отразились в их народных песнях и легендах. Разумеется, эти песни и легенды, передаваемые из поколения в поколение, несут глубокие следы времени. В данном случае мы рассмотрим курдский героический эпос о Златоруком хане.

Среди курдов, населяющих районы Среднего и Ближнего Востока, широко распространен эпос о Златоруком хане, о построенной им недалеко от озера Урмия крепости Дымдым. Он поется и в наши дни, но впервые опубликован в 1860 г. А.Жабой⁹⁸, русским

98 *Recueil de notices et recits kourdes, servant à la connaissance de la langue de la littérature et des tribus du Kourdistan, St.Petersbourg, 1860.*

консулом в Эрзеруме. Несмотря на множество версий эпоса, его костяк в основном един, а содержание довольно просто. События, воспетые в эпосе, происходят во времена иранского шаха Исмаила /1502-1524 гг./. Тогда же, говорится в эпосе, жил хан Абдал, владетель крепости Дымдым. "Он был молод и красив, поэтому его прозвали Златоруким". Против Абдал-хана борется некий перс по имени Аскерхан из провинции Марага. Абдал-хан просит помощи у турецкого паши Вана, но не получает ее. Борьба кончается поражением курдов и гибелью крепости Дымдым.

Интересным в этой версии является то, что Абдал-хан назван Златоруким лишь по причине того, что он был "молод и красив". Сказитель этой, записанной А.Жабой, версии не знает объяснения, которое дадут прозвищу другие. Обращает на себя внимание и то, что эта версия является единственной, которая относит события ко времени шаха Исмаила. Во всех остальных версиях в качестве шаха выступает Аббас.

По версии, опубликованной в 1870 г. Е.Примом и А.Социным⁹⁹, Златорукий хан, по имени Абдал-бек, был вскормлен шахом и стал его верным слугой. Имя шаха упоминается всего один раз, шах Аббас. Хан получает от шаха землю и строит себе крепость Дымдым. Вскоре между Абдал-беком и шахом Аббасом возникает острый конфликт. Златорукий хан борется против 32 ханов шаха. Во время осады крепости персы с помощью предателя-курда Махмуда Алакани

99 Е.Прим-А.Социн, *Kurdische Sammlungen*, S.Pb., 1890.

разрушают водопровод, снабжающий крепость водой. Курды, чтобы не попасть живыми в руки врага, решают взорвать крепость.

Как видно, сказитель и этой версии не знает о том, что у Абдал-бека одна рука, хотя и именуется его Златоруким.

По версии, записанной в 1943 г. А.Джнди¹⁰⁰, "хан курдов", имя которого не упомянуто, отправляется к персидскому шаху, имя которого также не названо, и поступает к нему на службу в качестве табунщика. Однажды, защищая шахских коней от грабителей, он теряет руку. Шах велит изготовить для него золотую руку. По просьбе хана шах выделяет ему участок земли в районе Дымдыма, где он строит свою крепость, и по окончании работ отрубает головы всем строителям, пощадив только Махмуда Малагани, который был ему близок. Начинается война между ханом курдов и шахом, которая длится семь лет. Махмуд Малагани становится предателем и сообщает персам местонахождение водопровода. Курдам не хватает воды, но они продолжают бороться. Сказитель говорит, что война продолжается и что крепость дымдым до сих пор в руках курдов.

Аналогичные версии записал и курдовед О.Джалилов¹⁰¹. Согласно его записям, хан после потери руки был назван Чолах, т.е. Однорукий, а из-за золотого протеза вместо потерянной руки - Златоруким.

Курдоведы считают, что в эпосе отражены исторические события, происшедшие в начале XVII в., а именно, выступления курдов-

100 А.Джнди, *Курдский фольклор*, Ереван, 1947 /на арм. яз./.

101 См. О.Дж.Джалилов, *Курдский героический эпос "Златорукий хан"*, Москва, 1967.

суннитов, населявших территорию крепости Дымдым в районе Мергавера /Урмия, в Иране/, против персидского шаха Аббаса¹⁰². Как известно, этому восстанию посвятил много страниц в своем сочинении "Тарих-е Аламарай-е Аббаси" персидский историк XVII в. Искандер бек Туркмен¹⁰³. По его данным, восстание возглавил берадостский князь Эмир-хан и мукринский хан Абдал. Историк пишет, что Эмир-хан до того, как порвал отношения с персидским шахом Аббасом, служил у него и в одной оитве потерял руку, после чего стал именоваться Эмир-хан Чолах, т.е. Однорукий. Шах подарил ему золотой протез, украшенный драгоценными камнями. Эмир-хан просит у шаха Аббаса землю, на которой строит свою крепость Дымдым. Но скоро возникает вражда между Эмир-ханом и персидским шахом, вылившаяся в долголетнюю войну, которая окончилась поражением Эмир-хана.

Можно с уверенностью сказать, что в историческом сочинении Искандер бека Туркмена, по крайней мере, в рассказе о золотой руке Эмир-хана и в описании отдельных сторон его биографии, имеется большая доля народного сказа. Убедиться в этом не так уж трудно, если принять во внимание то обстоятельство, что нам удалось найти в истории курдов точно такого же Златорукого хана, с такой же биографией, с той только разницей, что тот жил ровно за столетие до Златорукого Эмир-хана.

Шереф эд-дин Битлиси написал свою знаменитую "Историю курдов" - Шереф наме - в 1597-1598 гг., и, разумеется не мог знать

¹⁰² Там же, стр. 31.

¹⁰³ Искандер бек Туркмен, Тарих-е Аламарай-е Аббаси, Тегеран, 1335 /1957/, стр. 791-797 /на персидском языке/.

ни о Дымдымском восстании, ни о его предводителе Златоруком Эмир-хане. Но он повествует следующее.

После упразднения государства Ак-коюнлу /1502 г./, курдский Шех-Сувар-бек, сын Хусейна Али-бека из рода Пазуки, отправляет своего сына Халед-бека на службу к сефевидскому шаху Исмаилу. В одной битве Халед-бек блеснул своим мужеством и хладнокровием, но потерял руку. Шах Исмаил велел сделать для него золотую руку, вместо потерянной, после чего Халед-бек стал называться Чолах Халед, т.е. Халед Однорукий /точно так, как у Искандер-бека Туркмена назван Эмир-хан - Чолах/. Наконец, он порвал отношения с персами и подчинился турецкому султану Селиму /1512-1520 гг./, принял участие в битве в Чалдыране /1514 г./ на стороне турок, но по возвращении был казнен¹⁰⁴.

Итак, не подлежит сомнению, что перед нами тот же образ Златорукого хана. Это может подтвердить и эпос, ведь в варианте, записанном Жабой, действия происходят именно во времена шаха Исмаила! И если тот же самый образ XVI в. появляется столетие спустя, то мы с полным правом можем предположить, что не исключен и прообраз героя XVI в. В версии, опубликованной Жабой, как и в других неопубликованных версиях курдского эпоса его коллекции, говорится, что курдские поэты Факие Тайран /1302-1375 гг./ и Малла Бате /1417-1497 гг./ сочинили поэму о Златоруком хане. А ведь эти поэты жили на 150-250 лет раньше дымдымских событий! Все это говорит о том, что Шереф эд-дин, как и Искан-

¹⁰⁴ Шараф-хан ибн Шамсадин Бидлиси, Шараф-наме, том I, стр. 375.

дер бек Туркмен писали историю о Златоруком герое, широко используя народный фольклор, песни народа, восхваляющие некоего Однорукого-Златорукого героя. Образ его в течении веков переходил от одной знаменитой в истории курдов личности к другой.

Но кто же прообраз Златорукого героя?

Выше было упомянуто об эмире города Мелитены Омаре ибн Абдаллах аль-Акте, грозном противнике Византии, и его союзниках павликианах Карбеасе и Хрисохире, исторических персонажах, ставших легендарными и воспетыми как в византийском, так и арабском эпосах. Что означает прозвище аль-Акта? Именно "Однорукий". А что означает имя его союзника Хрисохира? Именно "Златорукий". Абдал бек отказывается от короны, предложенной ему иранским шахом, эпический Хрисохерп отказывается от титула патрикия и звания стратига, предложенных византийским императором. Абдал бека предает его близкий Махмуд Алакани, подобно тому как предает Хрисохира Пулад. Голову Хрисохире /т.е. Златорукому/ отрубает и посылает в подарок Василию I, и голову Златорукого Эмир-хана тоже отрубает и посылает в подарок шаху Аббасу. Курдский Чолах-хан, т.е. Однорукий хан назывался Абдал-хан, а мелитенский эмир Омар назывался ибн Абдаллах. Случайны ли все эти совпадения? Повидимому нет. Все это говорит о том, что важные события, происшедшие в Западной Армении в 60-70-х годах IX столетия, коснувшиеся, как будет показано ниже и живущих там курдов, оставили память о себе не только у византийцев, армян и арабов, но и у курдов. В сражениях павликиан и арабов против византийцев в 70-х годах IX в. принимали участие, по всей веро-

ятности, и курды. Об этом упоминает Константин Порфирородный в связи с событиями 879 г., когда множество курдов попало в плен к византийцам¹⁰⁵. На этом основании можно утверждать, что эпические песни, восхваляющие павликианских вождей Карбеаса и Хрисохира, с одной стороны, и мелитенского эмира Омара - с другой, не были для курдов чуждыми и неизвестными. Песни о храбрости и трагической гибели исторического Омара и Хрисохира пелись не только еретиками армянами и греками, не только арабами, враждебно относящихся к экспансии Византии, но, видимо, и курдами. В курдском эпосе образы Однорукого эмира Мелитены и павликианина Хрисохира-Златорукого отнесены к одной личности. И это понятно. Раз он златорукий, значит ему не хватает одной руки. Отсюда и легенда о потере руки и о золотом протезе.

Принимая в основном выводы курдоведов, что в курдском эпосе о Златоруком хане, в том виде, в котором он дошел до нас, отражены волнения 1608-1610 гг., нужно отметить, что в нем имеются многовековые напластования, что его ядро образовалось намного раньше, чем вспыхнуло дымдымское восстание, а именно в конце IX в.

Разумеется, первоначальную версию эпоса о Златоруком хане нельзя считать византийским эпосом в курдской среде. Эпос о Златоруком хане - курдский эпос, в первоначальной форме которого отразилась общая и для армян, и для арабов, и для византийцев действительность. Византийский эпос дошел до нас в письменном

105 **Theophanes Continuatus**, p. 283.

виде, поэтому он правильно отражает эпоху его создания. Курдский же эпос дошел до нас в устной форме и в этом главная причина того, что он потерял свой первоначальный облик. Новые, игравшие важное значение в истории курдов события, стали вытеснять в эпосе более древние, но, как убедились, не полностью.

И, наконец, мы не имеем права отказать видным курдским поэтам Факие Тайрану и Малла Бате в чести написания поэмы о Злато-руком хане на основании песен, воспевающих его среди курдского народа. Вполне возможно, что они, как и автор поэмы о Дигенисе Акрите, сложивший ее на основании народных песен, не прошли мимо этой замечательной темы. Дальнейшее исследование стихотворных, и именно стихотворных вариантов курдского эпоса с этой точки зрения возможно обогатит наши знания о литературном наследии этих поэтов, ибо не исключено, что отдельные, дошедшие до нас в курдском эпосе стихи, принадлежат именно их перу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ: "Византийский эпос и некоторые вопросы арменоведения".

I. Арменизмы в византийском эпосе.

Эпические песни о Дигенисе Акрите, разумеется, пелись по-гречески, но они были созданы и воспевались, во всяком случае в первоначальном периоде, видимо в среде грекоязычных армян. Это обстоятельство не могло не отразиться сперва на эпических песнях, а затем и на эпической поэме. Дело в том, что в эпической поэме встречаются чуждые греческому языку обороты речи, обороты, ставшие предметом многих споров из-за того, что ученые

старались их осмыслить на основе греческого языка. Но если эти обороты осмыслить на основе армянского языка, то они становятся вполне понятными. В эпических песнях таких арменизмов, надо полагать, было много, но автор поэмы, видимо, "сделал понятным" то, что ему было непонятно, "исправил" или же просто вычеркнул, но, как мы увидим ниже, кое что и осталось. Отметим эти арменизмы.

а/ Дигенис упоминает эмира города Меферке Аплоравда, совершающего набег на Романию, во время одного из которых он взял в плен сына византийского стратига Антиоха, бросил его в темницу и держал там три года. В отсутствие эмира его дочь, полюбившая молодого узника, освобождает его в надежде стать его женой. Самое странное в продолжении рассказа. Она "по совету своей матери", т.е. жены эмира Аплоравда, назначает узника "архонтом" (καὶ μὲ βουλήν τῆς μάνας τῆς ἄρχοντα τὸν ἐποίησεν, А.2478/.

Смысла этого предложения, которое, по всей вероятности, было и в эпических песнях, не понял автор поэмы, который немного спустя о том же эпизоде говорит устами дочери Аплоравда: "я сделала его видным архонтом Сирии, по совету моей матери, в отсутствие отца" /ἄρχοντα τοῦτον ἔδειξα περιφανῆ Συρίας, μετὰ βουλῆς καὶ τῆς μητρὸς, λέγοντας ὁ πατήρ μου).

Ни у кого из исследователей не возникло вопроса. С каких пор в арабском средневековье архонта, тем более, видного архонта Сирии, назначает дочь эмира какого-то города, да еще по совету своей матери? Бесспорно, прототипом этих стихов автору поэмы

послужила строка 522 Андросской версии, где говорится, что Мусура назначили архонтом Сирии арабские вельможи. Они, разумеется, имели на это право, но дочь эмира Аплоравда, вовсе нет. Если внимательно вчитаться в предложение поэмы, то становится ясным, что сын стратига Антиоха вовсе и не становится архонтом, а тем более архонтом Сирии, об этом там нет и речи. Наоборот, освободившись с помощью дочери Аплоравда из темницы, он старается бежать, и бежать не от верховной власти над Сирией, а от навязывающейся ему жены.

Вернемся к термину ἄρχων. Автор поэмы не случайно допустил такую ошибку. По-гречески ἄρχων означает правитель, властитель и т.п. Но в эпосе, данное слово, бесспорно, имеет другое значение. Если дочь Аплоравда - невеста сына Антиоха, то последний, разумеется, является ее женихом.

Царя Армении /по-армянски - "тагавор" - Թագավոր / византийцы называли ἄρχων, ясно, что слово ἄρχων в эпосе и армянское "тагавор" слова однозначные. Но по-армянски слово "тагавор" имеет значение не только "царь", но и "жених". Соответственно "тагуи" / Թագուհի - царица/ значит и "невеста". Из сказанного становится ясным, что в эпосе под архонтом певец подразумевал не "царя", не "властителя", а жениха, и дочь Аплоравда по совету своей матери сделала сына Антиоха не архонтом Сирии, а просто своим женихом.

б/ Когда апелаты нападают на Дигениса Акрита, чтобы похитить его жену, герой берет свою дубинку и щит, убивает многих апелатов, остальных обращает в бегство. Продолжение эпизода рассказывает сам Дигенис:

"Затем я бросил дубинку и щит,
и тряся рукава, отправился к шатру" /A.2047-2048/
/ Ἐξ' οὕτως ῥίπτω τὸ ραβδὸν καὶ τὸ χειροσκιουτάρην,
καὶ σεῖω τὰ μανίλια ἤρχομένην πρὸς τὴν τένταν/.

Что означает "трясти рукава"? Этот оборот речи стал поводом для многих споров. Причина в том, что ученые старались этот оборот объяснить с помощью греческого языка. Оборот "трясти рукава" воспринимался как "ругательный жест"¹⁰⁶, предполагалось также, что здесь речь идет о "маникелиях", "хейроманиках" или "хейропселлах", защитном оружии¹⁰⁷, хотя в данном месте уже упомянут щит. А.Я.Сыркин попытался этот оборот понять в буквальном смысле, т.е. "спустил рукав, засученный перед битвой"¹⁰⁸, но одновременно привел мнение Хесселинга о том, что здесь, по видимому, имеется в виду соответствующий обычай, имеющий целью очищение от скверны убийства¹⁰⁹.

Не лишне сказать, что смысла этого выражения не понял прежде всего писец Гротта-Ферратской версии. У него мы читаем:

"Затем я бросил меч и щит,
отряс рукав и пришел к девушке" / ГФ, VI, 157-158/
/ Ἐξ' οὕτως ῥίπτω τὸ σπαθὶν καὶ τὸ χειροσκιουτάρην,
καὶ τὸ μανίλιον ἔσειον καὶ πρὸς τὴν ἰδρην ἦλθον/.

Он изменил не многое: правильную причастную форму глагола σεῖω - тряссти, привел в прошедшем несовершенном времени,

106 П. Καλονάρος, Βασίλειος Διγενῆς Ἀκρίτας, τβμ. Β', σελ. 168.

107 Там же.

108 Дигенис Акрит, перевод, статьи и комментарии А.Я.Сыркина, стр. 207.

109 Там же.

а множественное число существительного / *μανίλια* - рукава/ в единственном числе / *μανίλιον* - рукав/, и этим не только нарушил все предложение, но прежде всего доказал, что не понял смысла данного выражения.

Любому армянину понятен оборот речи "трясти рукава", что означает "быть довольным, удовлетворенным, беспечным, спокойным". Смысл данного выражения эпоса таков: Дигенис, после своей победы над апелатами, бросил свое оружие и, довольный, удовлетворенный, спокойный, пошел к своей жене. Что мы имеем дело с арменизмом говорит и ошибка, допущенная в соответствующем месте Эскуриальской версии. Там мы читаем:

" Я пролил мои рукава и пошел к ней" /Э.1185/
/ *καὶ ἔχυσα τὰ μανίλια μου καὶ πρὸς αὐτὴν ἀκατάλυω* /.

Итак, вместо глагола *σεῖω* - трясти, у нас глагол *χέω* - проливать. Опять бессмыслица. Как можно "пролить рукава одежды" или даже "сыпать, ронять, бросать" эти рукава, если принять во внимание другие значения данного слова *χέω*.

Все дело в том, что в армянском языке слова "проливать" и "трясти" имеют один корень и звучать одинаково: "тотапел - *թոթափ* - *փել* /вульг. тап тал - *թափ տալ* / = трясти, "тапел" - *թափել* = проливать. Это свидетельствует о том, что певец оригинала Эскуриальской версии глагол "тотапел"=трясти передал по-гречески в смысле "тапел"=проливать / *χέω* /.

в/ И, наконец, в византийском эпосе встречается одно армянское слово, и то не литературное, а диалектное, глагол *սփել* /чкр-ел/, спряженное по-гречески. У армян это слово употребляется для обозначения старого, сторбившегося под тяжестью годов человека. Именно в этом смысле оно приведено в 1520-ой строке Эскуриальской версии:

ἀπὸ τὰ γέρα σου τὰ κολλὰ ὁ ἰσῆλος σου ἐτζυριόασε.

Можно надеяться, что дальнейшее изучение византийского эпоса выявит и другие арменизмы в нем.

2. Песня о сыне Армуриса.

Выше мы коротко коснулись Песни о сыне Армуриса. Здесь мы вновь останавливаемся на ней, так как эта песня, хотя и представляет большую ценность для арменоведов, все же осталась вне поля их зрения. Она, в частности, представляет большой интерес для исследователей "Давида Сасунского". Содержание песни таково.

Византийский военачальник Армурис попал в плен к арабскому эмиру, который бросил его в тюрьму. Сын Армуриса - Арест просит у своей матери отцовского коня, садится на него и перейдя реку Евфрат, истребляет стотысячное войско арабов. В живых остается только один араб, которому удастся с помощью коварства отнять у Ареста коня и дубинку, отдав в жертву свою руку. Армурис, увидев своего коня и дубинку сына, падает духом, ибо предполагает, что сын погиб. Эмир, узнав о гибели стотысячной армии, обращается к Армурису с просьбой написать сыну, чтобы тот больше

не убивал арабов. Арест на послание отца отвечает отказом. Эмир в большом страхе освобождает Армуруса и отправляет его в страну ромеев, попросив сначала, чтобы Арест женился на его /эмира/ дочери.

Песня о сыне Армуруса считается памятником IX в. и ядром "Дигениса Акрита". В этих двух памятниках, несомненно, очень много общего. Но в одном они совершенно противоположны: в своей политической направленности. "Дигенис Акрит" памятник не антиарабский /см. выше, стр.37-38/, в то время как антиарабские настроения в Песне о сыне Армуруса чрезмерно подчеркнуты. В этом отношении Песня о сыне Армуруса явно перекликается с "Давидом Сасунским". Эти два памятника и в деталях выявляют поразительное сходство, о чем в диссертационной работе подробно сказано.

3. Ахтамар и "Дигенис Акрит".

В вышеприведенных двух очерках этой главы было показано, что византийский эпос представляет интерес для армянского языковеда и фольклориста. Но как увидим далее, он представляет интерес и для исследователей армянской средневековой архитектуры. В этой связи не лишне привести здесь в общих чертах выводы А.Брайера. Автор не ставил себе целью изучить византийский эпос с точки зрения арменоведа. Но высказанные им мысли об одном частном вопросе "Дигениса Акрита", могут быть полезны и интересны для изучающего армянскую средневековую архитектуру.

ИЮ См. A.A.M. Bryer, Akhtamar and Digenis Akrites, "Antiquity", vol. 34, No 136, pp.295-297.

В своей статье "Ахтамар и Дигенис Акрит" А.Брайер показывает то общее, что имеется между построенным на берегу Евфрата дворцом Дигениса, его художественным убранством, и дворцом воздвигнутым Гагигом, армянским царем Васпуракана /908-943 гг./, /теперь разрушенным, его описание дает армянский историк X в. Фома Арцруни/ и художественным убранством Ахтамарской церкви, построенной тем же царем Гагигом на острове Ахтамар /на озере Ван/, напротив города Вана, и полностью сохранившейся до наших дней. Находя у этих сооружений очень много общего, указывая вместе с тем на их географическую и хронологическую близость, А.Брайер отмечает возможность какой-либо общей связи между ними.

Мы добавили бы к высказанному А.Брайером соображению, что согласно армянскому героическому эпосу о Давиде Сасунском, имеющему, как отметили выше, ряд точек соприкосновения с эпосом о Дигенисе Акрите, мать Санасара, деда Давида Сасунского, была, по некоторым версиям, дочерью царя "Вана" или "Ахтамара" Гагика, того Гагика, с сооружениями которого А.Брайер сравнивает дворец дигениса. дочь царя Гагика вышла замуж за сына "языческого" царя, господствовавшего в местности "Телтис", подобно тому как дочь Киннамадов вышла за арабского эмира, от брака которых родился Дигенис.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В течение почти столетнего изучения "Дигениса Акрита" многие, связанные с ним вопросы, нашли более или менее удовлетворительное решение. Это вопросы историчности персонажей эпоса, исторической географии, литературных его источников и т.п. Но две взаимосвязанные проблемы и по сей день остаются спорными. Это вопрос о среде, в которой сложился эпос и вопрос об этнической принадлежности людей этой среды. Мы пришли к убеждению, что "двоерожденным" является не только герой эпоса, но и сам эпос, что в его возникновении принимали участие не только феодальная знать восточных пограничных областей империи, но и павликиане. Однако это были не грозные еретики-повстанцы, непримиримые враги империи, а павликиане, которые, найдя убежище у арабов после своего поражения в 70-х годах IX в., позднее, примирились с Византией и вернулись обратно. Выше говорилось о том, что это случилось после смерти Василия I и во времена царствования Льва VI. В числе возвратившихся был и сын эпического Хрисохерпа, названный в эпосе Мусуром, который по данным Гротта-Ферратской версии поэмы вовсе не был похож на араба /ГФ, I, 32/ и отзывался об арабах как не араб. Время возвращения эмира в Византию точно совпадает со временем правления Льва VI. Из эпоса известно, что Мусур был мальчиком, когда умер его отец Хрисохерп /исторический Хрисохир погиб в 872 г./ . Когда Мусур вернулся в Византию, он был женат, кроме того, он до этого совершал успешные набеги на Романию. Значит ему было около 20-25 лет, не меньше, но и не больше, поскольку братья Дуки согласились

отдать ему в жены свою двенадцатилетнюю сестру. Мусур, следовательно приехал в Византию примерно в конце 80-х и в начале 90-х годов IX века, т.е. в первом десятилетии правления Льва VI. Как мы знаем именно тогда вернулись Мелиас, Мануил и другие армянские деятели, усилиями которых были созданы "армянские феми" в Византии, в том числе и Ликанд. Из эпоса ясно, что отец Дигениса Мусур остановился в Икманде, который, одновременно был родиной Евдокии, будущей жены дигениса.

Возвратившиеся павликиане, несомненно, хорошо знали песни, восхваляющие подвиги своих последних вождей - Карбеаса и Хрисохира - песни, которые нашли свое продолжение в песнях, восхваляющих Дигениса, т.е. внука Хрисохира, который одновременно был и внуком восставшего против центральной власти византийского вельможи Андроника Дуки. Совокупность этих, и по происхождению, и по времени разных песен, и составила эпос о дигенисе Акрите. Но воспевавшийся в среде бывших павликиан Дигенис и воспевавшийся в феодальной среде Малой Азии дигенис должны были бы отличаться: первые подчеркивали бы подвиги внука Хрисохира, в то время как вторые делали бы акцент на внуке Андроника Дуки. Дошедшая до нас поэма идет из среды вторых, поэтому дигенис, хотя по отцовской линии и павликианин, однако он представитель византийской провинциальной знати, противник центральной власти. Он мирным путем подчинил себе потерпевших в 70-х годах IX в. поражение павликиан /апелаты эпоса/, которые продолжали свое независимое существование в страшных и недоступных горах и клисурах на границе.

Как видим, в эпосе совершенно верно отражены историческая действительность конца IX и начала X в., положение на византийско-арабской границе, взаимоотношения павликиан со знатью малоазийской провинциальной аристократии.

Что касается этнической принадлежности создателей византийского эпоса, то исследователь не имеет права не обращать внимания на одно важное обстоятельство: "Дигенис Акрит" сложился в Западной Армении в то время, когда население этого края состояло преимущественно из армян. Оба источника, питавшие эпос — павликиане и малоазийская знать /Киннамады, Муселом и др./ по большей части имеют отношение к армянам. Значительная часть этих армян, возможно, была грекоязычной, и эпические песни пелись по-гречески, но грекоязычными армянами, не потерявшими своего этнического облика. Сложившийся в такой среде "Дигенис Акрит", в течение времени передаваясь из уст в уста, или же в письменной форме, стал достоянием населения всей империи. И в этом армяне, переселенные Византией в разные края империи, в том числе и во Фракию, сыграли немаловажную роль^{III}.

Во Второй части диссертационной работы дается выполненный нами полный стихотворный перевод Андросской версии "Дигениса Акрита" /4777 строк/, по тексту, составленному П.Калонаросом^{II2}.

III N. Adontz, *Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digénis Akritas*, p. 36; H. Grégoire, *Le problème de la version "originale" de l'épopée byzantine de Digénis Akritas*, *Revue des Etudes Byzantines*, t. VI, fasc. I, 1948, p. 33.

II2 Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας, ἔκδοσις Π. Καλονάρου, Ἀθήναι, 1941, τόμ. Α'.

О мотивах, побудивших нас остановиться именно на этой версии, подробно сказано в Первой части диссертационной работы.

Вторая часть имеет Приложение: построчный перевод "Песни о /сыне/ Армуриса". В конце Второй части даются подробные комментарии к переводам двух вышеупомянутых текстов, список использованных источников и литературы.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ

СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ АВТОРА:

1. К вопросу о павликианском движении в первой половине УШ в. Византийский Временник, том УШ, 1956.
2. Легендарное происхождение павликиан по одной древнеболгарской рукописи. "Известия" Академии наук Армянской ССР, Серия общественных наук, 1957, № 1.
3. К оценке некоторых источников по истории павликианского движения. "Известия" Академии наук Армянской ССР, Серия общественных наук, 1957, № 6.
4. К вопросу об организации павликианской общины. "Историко-филологический журнал" Академии наук Арм.ССР, 1958, № 3.
5. Армянские источники для изучения истории павликианского движения. "Палестинский Сборник", выпуск 4/67/, 1959.
6. Армяно-византийские заметки. "Известия" АН Арм.ССР, Серия общественных наук, 1960, № 7-8.
7. Аристакеc Ластивертци о еретиках-тондракитах. "Хрестоматия истории народов СССР", Москва, 1960.
8. Источники для изучения истории павликианского движения. Издательство АН Арм.ССР, Ереван, 1961./15 печ.листов/.
9. Петр Сицилийский и его "История павликиан". Византийский Временник, том ХУШ, 1961.
10. Ответное послание Григория Магистра Пахлавуни сирийскому католику. "Палестинский Сборник", выпуск 7 /70/, 1961.

11. Ахтамар и Дигенис Акрит. "Историко-филологический журнал" АН Арм.ССР, 1962, № 3.
12. Два послания Григория Магистра Пахлавуни относительно еретиков-тондракитов. "Палестинский Сборник", выпуск 9/72/, 1962.
13. Византийский эпос о Дигенисе Акрите и его значение для арменоведения. "Историко-филологический журнал" АН Арм.ССР, 1963, № 1.
14. Отголоски легенды о Торке-Ангэле в "Шереф-наме". "Историко-филологический журнал" АН Арм.ССР, 1963, № 2.
15. Рецензия на книгу 'I. 'Αναστασιου, Οι Παυλιανοι. Η ιστορία και η διδασκαλία των από της εμφάνισης μέχρι των νεωτέρων χρόνων, 'Αθήναι, 1959. "Палестинский Сборник", выпуск 13/76/, 1965.
16. Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите. "Византийский Временник", том XXIV, 1964.
17. Дигенистика в курдском эпосе о Златоруком хане. "Вестник общественник наук", АН Арм.ССР, 1967, № 1.
18. Иноязычные источники об Армении и армянах № 5. Византийские источники книга I, Прокопий Кесарийский, перевод с оригинала, предисловие и примечания. Издательство АН Арм.ССР, Ереван, 1967 / 28 печ.листа/.
19. Еретики Ареворди /сыны Солнца/ в Армении и Месопотамии и послание армянского католика Нерсеса Благодатного /II66-II73 гг./. "Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран", Сборник в честь семидесятилетия чл.корр. АН СССР Н.В.Пигулевской, Москва, 1967.

20. О некоторых вопросах византийского эпоса о Дигенисе Акрите.
"Вестник Ереванского университета", 1968, № I.
21. Эпос о Дигенисе Акрите и завоевание Южной Армении Византией. "Вестник Ереванского университета", 1969, № 2.
22. Иноязычные источники об Армении и армянах № 6. Византийские источники книга II, Константин Порфирородный, перевод с оригинала, предисловие и примечания, Издательство АН Арм.ССР, Ереван, 1970 /28 печ. листов/.
23. Статья "Павликиане" в "Советской Исторической Энциклопедии".
24. Статья "Тондракиты" в "Советской Исторической Энциклопедии".
25. О двух византийских военных терминах восточного происхождения. "Вестник общественных наук" АН Арм.ССР, 1970, № 8.
26. Notes sur l'épopée byzantine "Digénis Akritas". Revue des Études Arméniennes, Nouvelle série, t.III, Paris, 1966.
27. Digénistique dans l'épopée kurde "Le Khan Main d'Or", Revue des Études Arméniennes, Nouvelle série, t.IV, Paris, 1967.
28. Sur quelques questions relatives à l'épopée byzantine de Digénis Akritas. Revue des Études Arméniennes, Nouvelle série, t.V, Paris, 1968.
29. Les Arewordi (Fils du Soleil) en Arménie et Mésopotamie et l'épître du Catholikos Nersès le Gracieux. Revue des Études Arméniennes, Nouvelle série, t.V, Paris, 1968.

Заказ 295

ВФ 05162

Тираж 180

Цех "Ромайор" Ереванского государственного университета, Ереван-49, ул. Мравяна № I